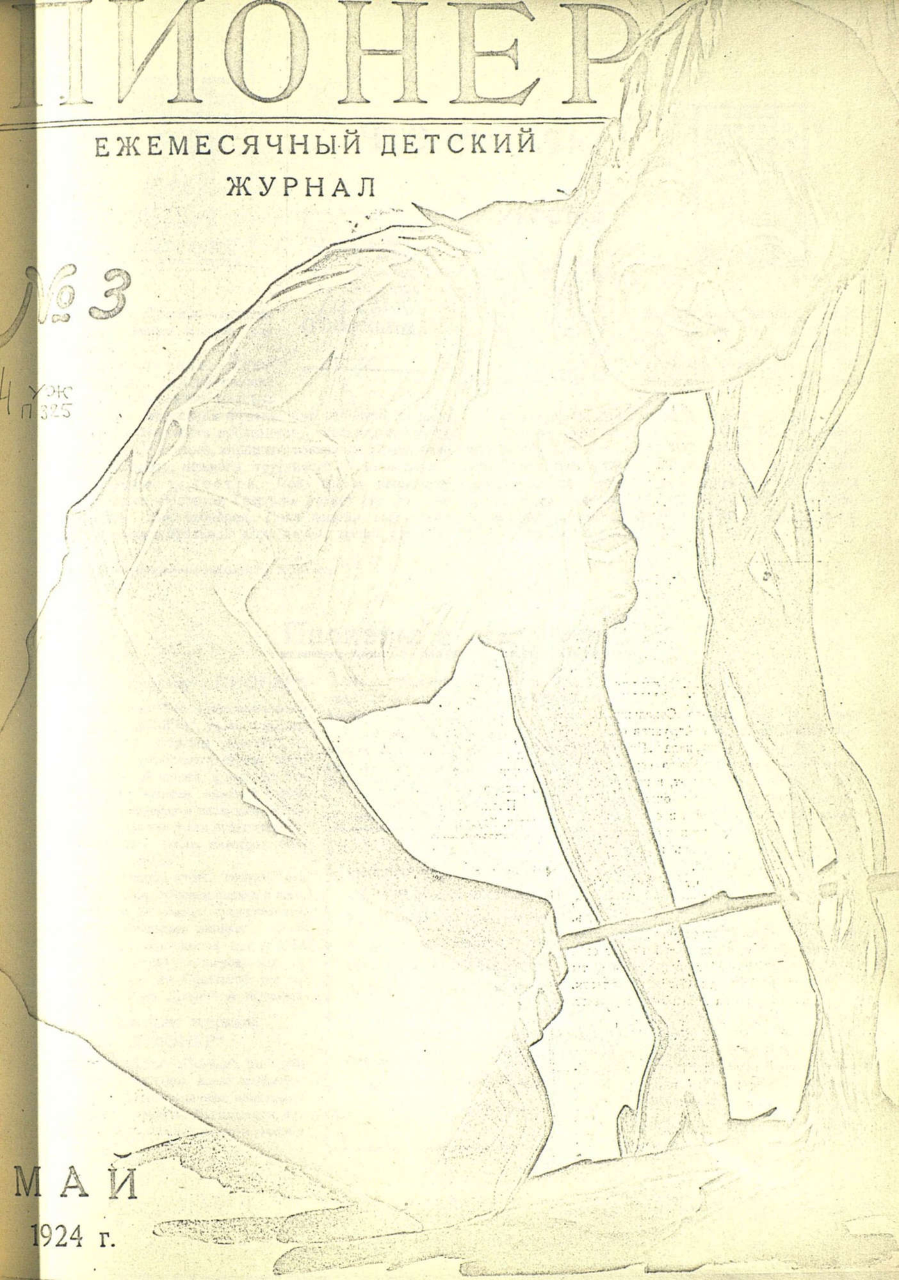
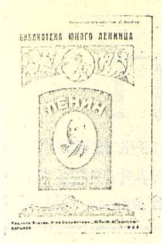
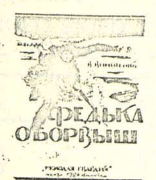

ПИОНЕР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 3
МАЙ
1924 г.

ЧТО ЧИТАТЬ?

УКОСТРА

В. Лир. Ленин.—Биография Владимира Ильича для пионеров.

В. Винниченко.—Федька оборвыш. В этой книжке ярко и увлекательно описана жизнь двух подростков: Федьки, сына рабочего, за свою буйную шаловливость прозванного, «халамидником» *), но славного, честного, хорошего товарища; и Толи, барчонка, холеного, нежного, трусливого и нечестного.

Беседы у костра. Под таким названием Издательство «Молодая Гвардия» издает ряд книжек специально для пионеров. Пока вышли следующие беседы: «Наши братья во всем мире», «Наши старшие братья комсомольцы», «Как мы ездили в Германию», «Как мы жили в лагерях». «Ленский расстрел», «Об Ильиче», «Христос не воскресе».

Каждый пионер должен прочесть эти книжки.

С. Григорьев—Паровоз «Эт 5324». Интересный рассказ из жизни детей рабочих-железнодорожников в дни наступления Колчака. Рабочие железнодорожники при отступлении оставляют на станции испорченный паровоз. Дети этот паровоз исправляют и пускают его навстречу колчаковскому поезду, который и терпит крушение.

*) Халамидник—по-украински сорванец.

Пионеры о „Пионере“.

Привет журналу „ПИОНЕР“.

Мы, пионеры 7-го Сокольнического отр., Звена „ИЛЬИЧА“, узнав о выходе нашего нового журнала „Пионер“, от всего своего пионерского сердца шлем ему свой боевой привет, в надежде, что он в скором времени охватит огромные массы пионеров и заслужит название „наш“, так как в нем будет сосредоточиваться вся жизнь пионеров, считающих его „своим“.

И мы, пионеры, чтобы считать его своим журналом, обещаем писать в него, без чего он не может существовать, а также и называться „нашим“.

„ПИОНЕР“, образовывай вокруг себя тесное кольцо ребят пионеров, чем ты будешь очень годен Советской власти.

Пионер звена „Ильич“ **А. Журавлев.**

В редакцию журнала „ПИОНЕР“

Прочитав журнал „Пионер“, мы одобряем линию, которую взяла редакция. Все статьи являются вполне понятными для нашего возраста. Мы надеемся, что он будет распространен по всем уголкам Республики.

Посетив редакцию, у нас еще более поднялся дух стремления писать в наш молодой еще журнал.

Мы, пионеры звена «Костер» г. Ярославля, даем слово, что будем активными сотрудниками журнала и агитировать о его распространении.

Пионеры: **Павлов, Смирнов, Романов, Королев, Харитонов**

* * *

Очень благодарны вам за журнал «Пионер». Он нам очень понравился. Мы с удовольствием хотели бы в нем участвовать. Из № 1 очень понравились рассказы «Жиган и пионеры в подпольи». Нас очень интересует и мы хотели бы посмотреть следующие номера журнала.

Ребята 8-го Сокольн. отряда Детского Дома им. **Розы Люксембург.**

* * *

Совершенно случайно, сидя в нашей библиотеке и перебирая журналы, я наткнулся на выпускаемый вами журнал. Прочитав его, он мне понравился и понравился всем читателям.

В конце журнала редакция просит читателей писать о своих отрядах, школах, детдомах и пр. И вот, воспользовавшись тем, что один из пионеров нашего отряда едет в Москву, я посылаю Вам мою маленькую статью.

Пионер 1-го звена 1-го Псковского отряда **Чернасов.**

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ,
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ
ГРУПП имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК РКСМ и НАРКОМПРОСА.

№ 3 МАЙ. 1924 г.

Слушай, пионер!

Что говорит наш старший пионер?

В беседе с представителем ЦК РКСМ Надежда Константиновна Крупская поделилась некоторыми своими впечатлениями о юных пионерах. На одном из собраний Надежда Константиновна повстречалась с пионерами. Она протянула руку пионеру, но тот отвечал: „Не имею права здороваться, у нас есть пионерский салют“ — и отдал ей салют.—Меня очень порадовала, — говорит Надежда Константиновна,— такая дисциплинированность пионера.

Она прошла дальше на сцену. Тогда в президиум поступила записка с просьбой, чтобы Надежда Константиновна села вместе с пионерами. Тотчас же к ней подошло двое ребят, взяли под руки и отвели в ряды.

Докладчик говорил очень долго. Надежде Константиновне нужно было уходить, она обратилась к сидящему рядом с ней пионеру и на ухо спросила можно ли ей уйти. Тот отвечал: „Видите ли, если вы встанете,—поднимется очень большой шум, и докладчик не сумеет продолжать, а прерывать собрание очень нехорошо, так что вы уж лучше подождите“.—Я с ним согласилась и осталась,—сообщает тов. Крупская,—а про себя радовалась такой сознательности и организованности пионеров.

Пионер, слушай!.. Ты должен быть таким же, как и те товарищи, которые так порадовали Н. К. Крупскую. Будь организованным и дисциплинированным, помни, что ты пионер.

Дальше тов. Крупская передавала о таком случае: в одной избечитальне деревенские ребятишки так к ней льнули, что их надо было разливать водой, чтобы они шли спать вечером. Это ясно показывает, что у деревенских ребят есть тяга к работе, к организации, поэтому необходимо организовать пионеров в деревне и это сделать очень важно.

Тов. Крупская со слов одного крестьянина рассказывает, как одна школа, приехав в деревню, чтобы познакомиться с крестьянским делом, поступила так: собрали сход, на нем выступили сначала мальчики, а потом девочки. Сказали, примерно, следующее: „Теперь мы не рабы, следовательно, мы должны все знать. Вот мы и приехали, чтобы вы обо всем нам рассказали. Мы понимаем, что вы заняты, но ничего не поделаешь, ведь мы-то должны знать. Мы же со своей стороны расскажем, что знаем“. Крестьяне очень охотно рассказали и показали все детям, так что если правильно подойти, пионеры в деревне принесут много пользы.

Пионер, помни. Перед тобой задача: помочь деревенским ребятишкам надеть красные галстуки и организоваться в отряды пионеров. Дело большое и трудное.

А. Алтаев.

Честное слово

(Из истории Парижской Коммуны).

Последние баррикады.

Пятнадцатилетний Артур Дюфрен был наборщиком, как и его отец Жан Дюфрен.

Прежде семье Дюфрена удавалось кое-как сводить концы с концами, но когда у матери отнялись ноги, все хозяйство легло на плечи маленькой сестренки Артура Луизы, и жить стало совсем плохо.

А тут еще зима пришла холодная, суровая... зима осажденного пруссаками города.

Париж голодал; у булочных с ночи стояли хвосты, чтобы получить кусочек нес'едобного отвратительного хлеба.

Париж обратился в осажденную крепость; сначала в него вошли победоносные пруссаки, потом его осадили версальцы, прежнее правительство, свергнутое об'явившим Коммуну народом.

И вчерашний рабочий стал солдатом, защищая великое народное дело освобождения.

Дюфрены, отец и сын, как и другие товарищи, стали солдатами Коммуны, несли всякие службы, под снегом и ветром, с пустым желудком.

За Парижем восстали провинции. Но у них нехватило сил, и Париж остался один вооруженным лагерем, который осаждали солдаты правительства, перебравшегося из Парижа в Версаль, неподалеку от столицы.

Париж терял последние силы.

Работавшие на баррикадах не имели понятия о том, что делалось в городе. Бессильно метались звуки набата и тонули в адском реве пушек, толпа запрудила все улицы. Ярко пламенело небо, и зарево все разгоралось, ползло, затопляло все небо, и от гари трудно было дышать... Париж пылал.

Коммунары укрепляли улицы; на каждом перекрестке вырастала баррикада... но напрасно— версальцы одолевали!

Пала Ратуша, версальцы жестоко отбили батальоны, хлынувшие защищать мэрию [1]), последний оплот коммунаров. Сражались еще на высотах кладбища Пер-Лашез...

Нехватало патронов, и герои-коммунары не отдыхали ни минуты в течение нескольких суток.

Жан Дюфрен наклонился к самому лицу сына.

— Продержимся ли мы еще сутки, мальчик,— сказал он,—ясно то, что нам придется умереть. Но если ты останешься жив, уйди отсюда. Ступай далеко от родины, в чужие края, где еще не испорчены люди, к дикарям Австралии, Африки, в колонии.

[1]) Мэрия—городское управление.

Свобода умирала.

Среди грохота орудий и взрывов слышались порою женские крики, и в зареве пожара видны были защитницы Парижа, бившиеся под командой Луизы Мишель и русской Елизаветы Дмитриевой. Они отступали к площади Пигаль. За ними ворвались потоки версальцев.

Пленники Сатори.

— Ложись!—крикнули жандармы.

И гурт пленников-коммунаров, связанных одною веревкою, упал на двор Сатори в непросохшие лужи.

Артур лежал на земле, глядя широко раскрытыми глазами на зубчатые стены, окружавшие двор, и на жерла митральез [1]), которых до тех пор он не видел в Париже так близко.

День уходил; надвигались сумерки.

В длинной живой цепи валявшихся на земле у одного из больных начался бред. Он вскочил с криком:

— Жжет! Жжет! Дайте воды!

— Ложись!—скомандовал солдат.

Больной не понимал. Он молчал над распростертыми телами товарищей и тянул руки соседей.

Раздался треск, показался огонь, и больной, как подкошенный, упал на землю. Стрелявший солдат равнодушно набивал трубку табаком из кисета.

Артур с ужасом шептал своей соседке:

— Не шевелись, а то и тебя... видела?..

Девушка шептала:

— Ты с баррикад, я вижу... Они уже многих перестреляли, солдаты, там, в парке Монсо... И тебя убьют... Они посмотрят на твои руки и если увидят на них следы от ружья, ты пропал.

— У меня руки чистые...—сказала она, помолчав.—Но я была на баррикадах... Там убит мой брат... Жюль Каше... А меня зовут Бланш... Я носила с'естные припасы... Ты не спишь?

— Нет...

Вечером пленников считал, проверяя, молодой версалец. Глаза его встретились с глазами Артура и оба вздрогнули.

— Люсьен!—прошептал Артур.

И ему вспомнилась школа, вспомнилась скамейка, на которой они сидели рядом. Добродушный Люсьен Гризель был на четыре года старше Артура, но на четыре года отстал в учении, и Артур постоянно подсказывал ему на уроках. За-

[1]) Митральеза—особого рода пушка.

то сильный Люсьен не давал его в обиду и угощал кулаками всякого, кто посмел тронуть Артура.

Люсьен Гризель узнал сразу школьного товарища, но, не говоря ни слова, он прошел мимо Артура.

Седые.

Перед рассветом кто-то разбудил Артура, толкнув в плечо. Он открыл глаза и увидел знакомое лицо под солдатской фуражкой.

— Люсьен! Ты?

— Молчи!

И Люсьен бросил бывшему товарищу пропеченный мягкий хлебец. Артур разделил его на три части и две отдал отцу и Бланш.

Отец с'ел все до крошки, степенно, не торопясь, даже вылизал ладонь и сказал спокойно:

— Должно быть, это последний мой завтрак.

Сын вздрогнул и ничего не ответил.

— Галлифе!

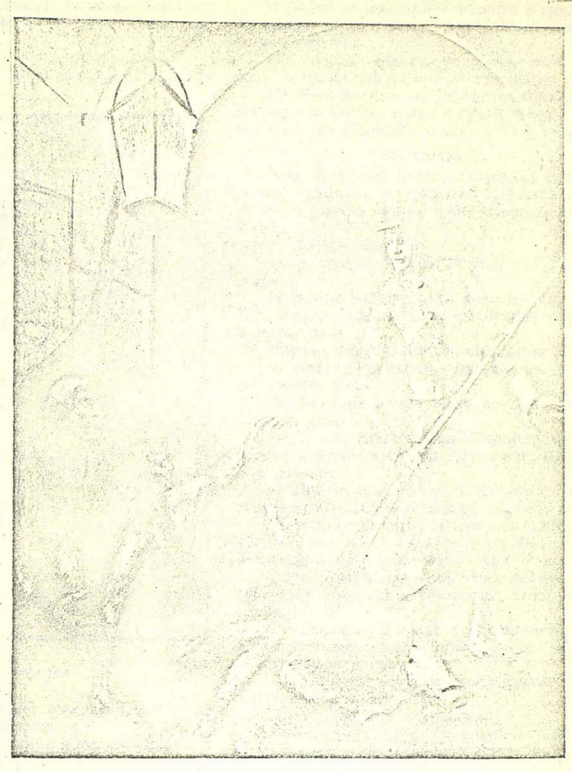
Палач-генерал вошел с веселым небрежным видом, окинул взглядом валявшихся в куче, как скот, пленников и засмеялся:

— Славная скотинка! Но их надо разредить. Придут новые, некуда будет класть.

— Ну, вы, сволочь! Все седые выходите из рядов.

Громадный жандарм пошел по рядам. Он нагибался и рассматривал цвет волос.

— Ну, этот еще недостаточно бел. Пусть попрыгает. Авось, на завтра от страха будет готов.

Глаза его встретились с глазами Артура...

Над лежащими поднялась седая голова отца Артура.

— Этот пойдет впереди, как полководец. Отвяжите его!—скомандовал Галлифе.

Жан Дюфрен побледнел.

— Прощай, Артур, оставайся честен, пока жив! А мне пора...

И пошел к жандармам, не оглядываясь...

Раздалось «пли», и там, у зубчатой стены, одно за другим падали тела...

Артур лежал на земле без чувств.

Из-за пазухи у него вывалились два последние воззвания Коммуны, которые он спрятал на груди там, на баррикадах...

Люсьен Гризель незаметно поднял их и сунул себе за борт мундира.

Еще жертвы.

День тянулся невыносимо медленно. Артур очнулся от толчка приклада.

К вечеру от Галлифе пришел курьер с приказом о новых жертвах. Жандармы сами выбирали. Они трогали концами ружей валявшихся на земле пленников и говорили:

— Ну, покажи руки. Так. Держал ружье? Был на баррикадах? Ступай сюда!

— Мало женщин,—сказал жандарм,—и подошел к молодой девушке, связанной с мальчиком.

— Ты? Фамилия?

— Мари Фурнемон...

Ребенок уцепился за ее платье, повис на ней и кричал:

— Не уходи! Не уходи! Я боюсь.

Жандарм потащил за руку Мари Фурнемон.

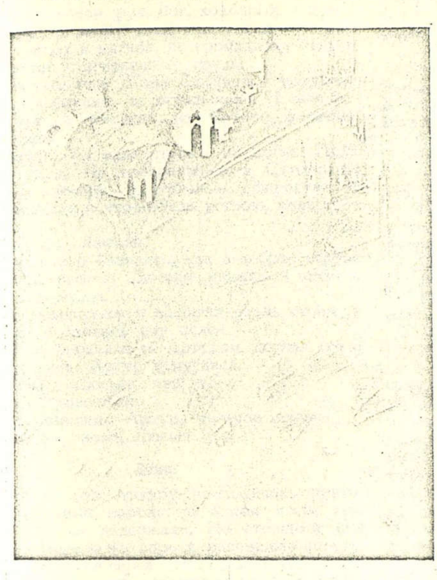
— Да ведь это самая главная петролейщица [1],—остановил его другой.—Ее нужно оставить

[1]) Коммунары обвинялись в том, что они обливали керосином и поджигали здания, чтобы те не доставались версальцам.

до суда,—она там расскажет, сколько убила на баррикадах и откроет имена тех, кого правительство упустило из вида.

— Останься...

И жандарм толкнул Мари на землю. Глаза его

Люсьен обогнул угол...

остановились на белокурой тоненькой фигурке с большими голубыми глазами.

— Вот эту,—грубо ткнул в нее пальцем жандарм,—ну, иди что ли, петролейщица.

Бланш растерялась. Она переспросила тихо:

— Меня?

— Ну, а то кого же! Да иди скорее, не кобенься и не вой.

И он стал отвязывать ей руки.

Артур вскочил и закричал:

— И ты! И ты!

Бланш тихо заплакала.

И пошла за палачем.

У стены их выстроили и сосчитали.

— Недостает одного, — сказал жандарм.—Эй, иди сюда, малыш.

И он указал на маленького мальчика, который лежал, крепко уцепившись за руку Мари Фурнемон.

— Этот сойдет за половинку,—крикнул один из жандармов, а другие захохотали.

Мари Фурнемон вскочила, как ужаленная.

— Убейте меня!—закричала она.—Даже дикари не мстят, убивая детей. Разве за детьми есть преступления?

Но один из жандармов толкнул в грудь Мари Фурнемон, и она упала, а другой стал отвязывать от нее ребенка.

Он плакал, кричал, упирался, звал тетю и маму, а палач тащил его за худенькую ручку.

Их было достаточно, раздалась команда «пли», и среди криков и стонов и сухой трескотни пуль люди падали мертвыми телами у стены Сатори.

Два товарища.

Весь день под палящими лучами солнца над алыми лужами с жужжанием кружились мухи... И под мертвыми бились и бессильно хрипели живые...

У Артура вырвался стон:

— О, только бы скорее умереть! Только бы скорее!

Прохлада вечера дала возможность пленникам, измученным дневным солнечным зноем, сомкнуть глаза.

Улучив минуту, Люсьен склонился к Артуру.

— Артур,—прошептал он,—хочешь, я похороню твоего отца?

— Разве мне не все равно, когда я и сам скоро буду падалью!

— А если тебя сошлют? Говорят, многих отправят в рудники Новой Каледонии, на каторжные работы.

— Нет, я умру; но если бы можно было перед смертью побывать дома... на одну минутку!

Люсьен видел снова своего маленького школьного наставника, за которого он был готов любому школьнику «обломать руки и ноги».

Вдруг Артур вспомнил, что у матери осталась шкатулка с письмами товарищей отца — коммунаров.

И он ясно представил себе, как приходят в их маленькую квартирку солдаты, делают обыск, находят письма и кричат:

— Вот, когда мы набрели на волчью берлогу! Тащи волчиху Дюфрена!

И потащат мать и сестренку...

Люсьен увидел ужас на лице школьного товарища, слышал, как застучали его зубы. Он сказал дрогнувшим голосом:

— Я это тебе устрою. Только дай честное слово, ты вернешься, а то меня за тебя расстреляют.

— Клянусь тебе, Люсьен!

— Тс... молчи. И вот что еще: не ищи своих воззваний, которые выронил из-за пазухи; они у меня.

Честное слово.

В темноте что-то упало на грудь Артура. Это была одежда версальского солдата. Люсьен, бросивший ему одежду, развязал веревку и ушел, пробормотав:

— Одевайся незаметно... Ты поможешь мне вытаскивать трупы... Пароль «Свобода и Порядок».

Артур оделся лежа и пополз между спящими товарищами. Он стал во весь рост только у стены.

Предстояло самое тяжелое: в темноте ощупью таскать трупы. И Люсьен, который в школе верил

в привидения, ради товарища, превозмог страх и решил заняться ночными похоронами.

Руки Артура шарили в куче трупов, разыскивая отца... Нужно было вынести также несколько других.

И в груде голов, рук, ног, холодных, с зияющими ранами, он нашел того, кого искал—по шапке волос, густых и мягких, по громадному телу и шарфу, плотно стягивавшему грудь.

Они зарыли тело Жана Дюфрена неподалеку от стены и вернулись за остальными. И еще несколько трупов вынесли из Сатори, а потом Люсьен сказал:

— Хватит. Ты едва стоишь на ногах. Пора тебе убираться. Не возвращайся в Сатори до завтрашнего вечера; я отбываю дежурство за одного товарища и что-нибудь устрою, пока тебя не будет.

— Спасибо, Люсьен!

И они крепко обнялись, как в доброе старое время, когда весною Люсьен уезжал к себе в Бретань, в деревню.

Артур повернулся и зашагал вдоль стены, а Люсьен долго смотрел ему вслед.

Вдруг он бросился за Артуром, догнал его и схватил за руку. Артур испугался.

— Люсьен, Люсьен, что ты?

Люсьен прошептал:

— Ты помнишь, Артур, честное слово?

— Честное слово, Люсьен!

Дома.

Несколько раз Артуру приходилось повторять условленный пароль; в одном месте его, впрочем, чуть не задержали. Но страшное имя «Галлифе» отворяло все ворота, расчищало дорогу.

Артур перешел через площадь Пигаль, и сердце его сжалось, когда он увидел остатки разрушенных баррикад... Он обогнул угол и зашагал по изрытому тротуару улицы, где родился.

С трудом поднялся он по узкой скользкой лестнице и постучал в дверь. Ответом было молчание. Он ударил еще раз, вне себя от ужаса. За дверью послышался шорох, потом чей-то шопот и шаги. Слышно было, как кто-то осторожно приник к двери.

Артур позвал:

— Луиза, это ты?

Дверь отворилась.

— Артур! Артур!

А потом он лежал на груди у женщины, прикованной к креслу. Она молча плакала, наконец, спросила:

— Где отец, Артур?

Артур молчал.

— Так они... они убили его?

И опять молчание.

— Я ведь знала, что они убьют его, но я думала, что они убьют и тебя. Теперь я хочу знать, где они его убили и что он сказал перед смертью, если ты был с ним?..

Артур рассказал все—не сказал только матери, что Люсьен пустил его до вечера и что, быть может, завтра его уже не будет на свете.

Возвращение.

Солнце близилось к закату; пора итти. Артур еще раз перебрал пожелтевшие бумаги шкатулки, где рядом с его школьными поздравительными стихами и карточкой всего семейства Дюфренов были опасные бумаги, вынул пачку их и поднялся.

— Куда ты, Артур.

— Я скоро вернусь, матушка. Быть может только мне придется переночевать в одном месте. Я хочу достать немножко денег из комитета; я должен увезти тебя и Луизу из Парижа.

Скрыл Артур правду от матери.

Она поверила.

— Ну, что же, иди, только возвращайся скорее. Ведь теперь ты у нас опора, Артур.

И опять длинная дорога, и патрули, и пароль, и опять поля и рощицы, над которыми колышется тонкий туман...

До Версаля оставалось верст пять.

Вот впереди и группа каштанов.

И вдруг глаза Артура ясно различили около них знакомую высокую фигуру.

Люсьен! Зачем он здесь?

Артур прибавил шагу и издали крикнул:

— Люсьен! Ты видишь, я вернулся. Я не обманул тебя, Люсьен!

Люсьен, как видно, был взволнован. Он сел под дерево и сказал.—Сядь, Артур, так. Я не умею говорить складно. Но ты поймешь. Видишь ли, я много раз читал те листки, что взял у тебя. А потом думал. Я выучил их наизусть. Я вспомнил, как умирали там, в Сатори и в других местах, где я видел, и как их мучили. И я что-то понял. И потом, когда я убирал с тобою трупы... мне стало страшно... И я не хочу больше убивать. Я ушел из Сатори, я хочу быть с тобою, как брат, как брат, Арти...

Артур схватил его за руку, он не мог говорить. В глазах его стояли слезы.

— Куда мы пойдем, Люсьен? В Париже жить нельзя...

— Да, пожалуй, — добродушно согласился Люсьен.—Но разве на свете только одно место—Париж?

Артур вспомнил, что отец завещал ему уйти далеко, в дальние, дикие страны. Но что-то другое было в его душе, и он сказал:

— Отец не рассердился бы на меня за то, что я его не послушался. Когда он был мальчиком, дед, поднимавший восстание в 48 году, завещал ему быть революционером, и он отдал жизнь за Коммуну. Разве не доживу я до того дня, когда снова придется строить баррикады. Нельзя надолго бросать Париж, но что делать с матушкой и сестренкой?

— В эту ночь мы их приготовим к дороге, Артур, а завтра на заре, пока нас не хватятся, будем итти по дороге к Бретани. Там живет у меня старая тетка. Я оснащу ей лодку и тебя научу рыбачить, пока не придет время вернуться в Париж.

И они зашагали обратно, где грохотал страшный громадный город...

■ ■ ■ ■ ■

Из пионера в комсомольца.

Эх, как быстро время пролетело—оглянуться я не успел, а уж двухлетний юбилей нашего отряда и передача в Комсомол на носу. Как же это, и не готовился к Комсомолу-то?—Хотя в пионерах я работал, вожатым звена стал. Стенная газета у меня самая лучшая. Общественную работу в лагерях лучше всех провело мое звено, в играх—другим не уступим. Только... Только это мало, как-то еще надо было готовиться, эх я голова садовая. Историю РКСМ-то я знаю. Устав десять раз перечитал—лет мне уже 14!

На собрании я сидел, как на иголках. В текущих делах вопрос о передаче. Вдруг отвод! Прощай билетик красный с Либкнехтом, прощай КИМ. Все грехи свои вспомнил... Собрание вожатых пропустил—проспал —раз, погорячился — с Петькой подрался—два, газету один номер не выпустил,—дернуло же меня оставить ее на полу—котенок всю измусолил, истрепал, живого места не было—вот тебе три. Эх, да наберешь много. Беда. Отвод—обязательно отвод!

— Ребята! Через четыре дня 2-летний юбилей нашего отряда. К этому юбилею на вечере назначено передать несколько ребят в Комсомол. Кандидаты следующие: Каманин Федя, Быстров Коля, Сатошкин Петя и Филиппова Надя.—Прошу высказаться за и против.

— Передать, передать — ребята активные! Знаем! Единогласно! Юбилей решили праздновать в клубе в своем районе, на юбилее торжественная передача. Через три дня.

Три дня мне за три года показались, дела себе не найду. Ведь новая ступень в моей жизни. То ли я пионер, то ли комсомолец. Хотя Комсомол я уже знаю, на собраниях у них бывал, ребята там свои, а все-таки... Какая моя работа будет, все гадал. Может быть опять бросят на пионерскую работу, а может и нет. Так или иначе, решил связь с отрядом не терять.

Вечером, засыпая, я все лежал и думал.—В Комсомол... да завтра передача...

В окно ударило солнце—брызнуло на мое лицо дождем лучей—разбудило. Вскочил, раз, два—трусы. Умылся. Гимнастика. Быстро напился чаю—потянуло к ребятам. Собрались человек восемь, взяли Ваню Димитриева—секретаря ячейки РКСМ. Он поехал с нами на лодке на Воробьевку. Там рассказывал он нам в десятый раз о борьбе с Деникиным, с Врангелем, о том, как его вели на расстрел, как спасли. А мы слушали, и каждый представлял себе то время, думал, зачем не родился раньше на десяток лет.

А Ваня как угадал:—да, говорит, ребята, и вам еще придется, не все еще кончено!

Бродили, взявшись за руки по роще, пели, не заметили, как пришел вечер, и, свесив серую голову дохнул приятным холодком над Москвой-рекой.

Свет и гул лились из открытых окон на улицу. Тише и глуше ворчал город, когда мы с Петькой подходили к знакомым дверям.

Зал полон народа, Посадили нас всех в первых рядах.

Тоненько прозвенел звонок. Затихло. Распахнулся алый занавес. Потушили в зале электричество, и только красный отблеск падал со сцены на головы присутствующих.

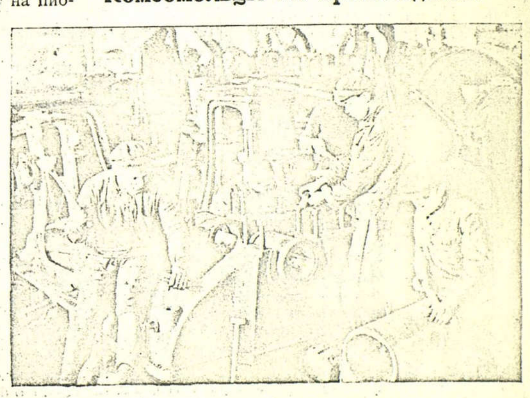
Чеканно выковал председатель слова об открытии празднования юбилея.

Выступил вожатый отряда. Говорил о том, как организовался отряд, как он жил, вырастал, работал, и в конце, говоря о том, что мы готовим смену смене, сказал, «Смену мы подготовили, четырех лучших и испытанных товарищей передаем мы в Комсомол!»

Мы вышли на сцену. У развернутого знамени давали мы обещание. От волнения срывались слова, теснилась грудь, и когда старый, почетный комсомолец, седой секретарь райкома приколол нам по КИМ'у и поцеловал, я сперва совсем смутился, но потом мне показалось, что я вырос вдвое, что сила у меня прибавилась, голос стал тверже, вышел я вперед, протянул руку,—«Товарищи»...—Утихло—и звонка не нужно. О чем я говорил—не знаю. Только лились мои слова сами, радостно наполняли зал. Кончил. Подхватили меня чьими-то руками, твердыми, и вынесли в сад. Не помню, как дошел я до дома.

Леня Б.

Комсомольцы на производстве.

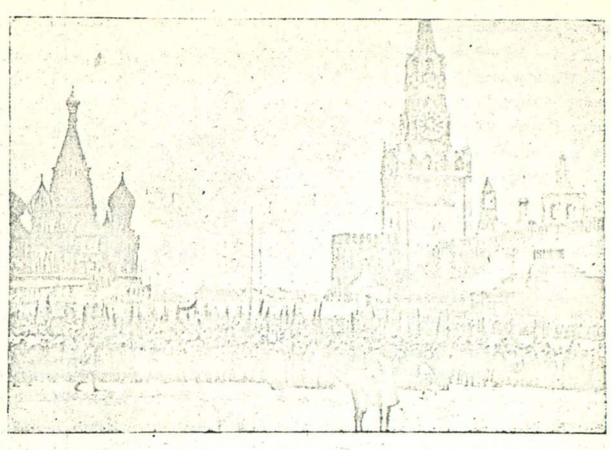

Комсомольцы за работой на заводе б. Бромлей в Москве.

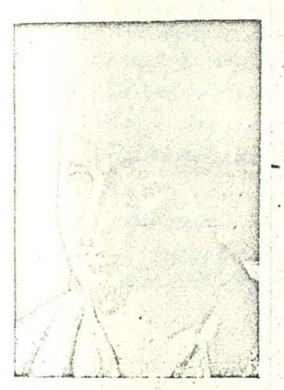
ФОТО-ГАЗЕТА „ПИОНЕРА“.

11 мая в Москве был открыт памятник тов. Воровскому, старому большевику, убитому год тому назад фашистами в Швейцарии.

Парад пионеров у могилы В. И. Ленина в день переименования в Юных Ленинцев, 25 мая.

Тов. Бухарин.

XIII партс‘езд.

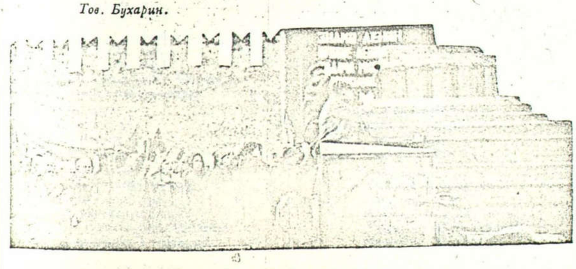
С 23 по 30-е мая в Кремле происходит XIII с‘езд РКП (б.). На с‘езде тов. Бухарин читал доклад о работе среди молодежи, в котором много места уделил пионерам.

В след. № „Пионера“ будет помещено, что сказал XIII партс‘езд о пионерах.

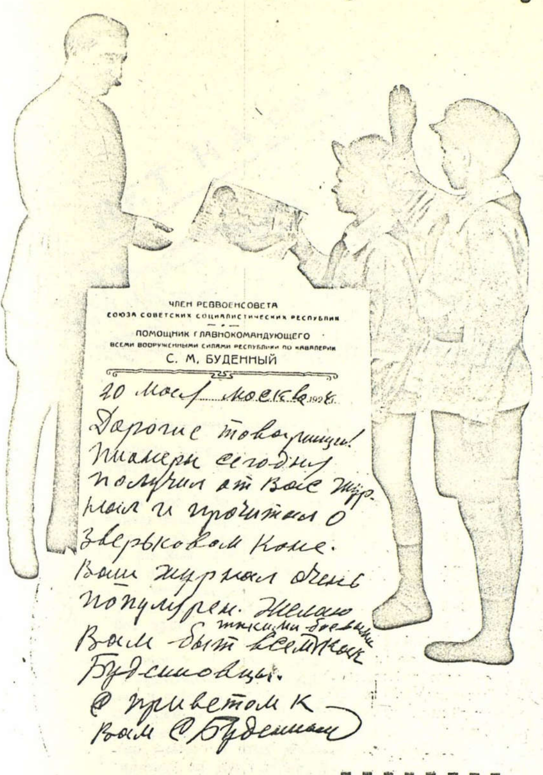
Макдональд.

Глава „рабочего“ правительства Англии и председатель делегации на советско-английской конференции, происходящей в Лондоне. Конференция созвана для установления взаимоотношений между СССР и Англией.

Салют Ильичу в день первого мая.

Пионеры у тов. Буденного.

ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ПОМОЩНИК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РЕСПУБЛИКИ ПО КАВАЛЕРИИ
С. М. БУДЕННЫЙ

20 мая Москва 1924 г.
Дорогие товарищи!
Пионеры сегодня
получил от вас жур-
нал и прочитал о
Зверьковом Коне.
Ваш журнал очень
популярен. Желаю
вам быть всем таким боевыми
Буденовцы.
С приветом к
вам С. Буденный

Недавно ребята 8-го отряда Красной Пресни, прочитав в 2-м № „Пионера“ рассказ „Зверьковый конь“, где говорится о т. Буденном, решили отнести т. Буденному этот журнал и лично сказать ему, что **пионер всегда готов быть буденовцем.**

Чтобы застать его дома, ребята отправились к нему рано поутру. Т. Буденный принял их в садике перед домом. Пионеры передали ему журнал и побеседовали с ним.

Прощаясь, т. Буденный дал им письмо ко всем пионерам, которое мы здесь и помещаем.

Москва, 20 мая 1924 г.

Дорогие товарищи пионеры!

Сегодня получил от вас журнал и прочитал о „Зверьковом коне“.

Ваш журнал очень популярен.

Желаю вам всем быть такими боевыми, как буденовцы.

С приветом к вам

С. Буденный.

■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■

В ЛАГЕРЯ!

Стих. А. Жарова.

Пламенем алым—
В небе заря...
Время настало
Шагать в лагеря!
Раз, два!
Прощай, Москва!
Раз, два, три...
В зареве зари
Дружно, дети Октября—
Пионеры, в лагеря!

Теплые ночи
Готовит земля
Дети рабочих,
Живее в поля!
Раз, два!
Как свежа трава!
Раз, два, три...
Солнышко, гори!
Дружно, дети Октября—
Пионеры, в лагеря!

В вечер туманный
Путь наш к кострам...
Грянь, барабаны:
Трам-тарр-ра-рам!..
Раз, два!
Кричит в лесу сова.
Раз, два, три.
Костер, пылай, гори:
Дружно, дети Октября—
Пионеры, в лагеря!

В утро ворота
Откроет нам ночь.
Пионеры работать
Всегда не прочь!..
Раз, два!
Рубим дрова!
Раз, два, три...
Жнецы мы, косари!..
Эх, наш лагерь боевой,
Будь Коммуной трудовой!..

Зреет и зреет
В небе заря...
Смелей, веселее
Шагай в лагеря!
Раз, два!
За нами—Москва!
Раз, два, три...
Свет ее зари
Мы по селам понесем
Будем—ленинцы во всем!

Джек Лондон.

7 ЛЕТ НА СКАЛИСТОМ ОСТРОВЕ. 7

(Продолжение).

3. Один на скалистом острове.

Я поднялся на ноги, зная, что я спасен. Но я шатался от слабости, когда стоял на ногах. Лодка была раздроблена на тысячу кусков. И хотя я этого не видел, но я мог себе представить, как страшно были разбиты тела капитана и Арнольда Бентам. Я увидел весло на пенистом гребне волны и с некоторым риском вытащил его. Затем я упал на колени, чувствуя, что я близок к обмороку. И все-таки, повинуясь инстинкту моряка, я протащился между острыми скалами и, в конце-концов, свалился без чувств, но только там, куда не достигали волны.

Я был полумертвым в эту ночь и большей частью находился в состоянии оцепенения. Лишь неясно, по временам, я ощущал страшный холод и то, что был совершенно мокр. Но утром я испытал удивление и ужас. Ни одного растения, ни травинки не было видно на этом жалком выступе скалы, поднявшейся со дна океана. На четверть мили в ширину и на полмили в длину ничего не было видно, кроме груды утесов. И я ничего не мог открыть такого, чем бы я мог утолить свой голод. Я страдал от жажды, но не видел нигде пресной воды. Тщетно я искал ее, припадая ртом к каждой впадине и выемке в утесах. Брызги бушующих волн так окутывали весь островок, что все впадины на нем оказались наполненными морской водой.

В ту ночь, укрывшись за скалой от ветра, я был ближе к смерти, чем когда-либо. Сильный ливень сделал меня еще несчастнее. Я снял часть своей одежды и разостлал ее, чтобы она пропиталась дождевой водой, но, когда я стал выжимать ее в свой рот, то был разочарован, потому что материя была насквозь пропитана солью океана, в который я был погружен так долго.

Я лежал на спине, с раскрытым ртом, чтобы поймать немногие капли дождя, которые попадали мне в рот. Это было мучительно, но все же увлажняло мои слизистые оболочки и спасло меня от сумасшествия.

На второй день я был совершенно болен. Я, ничего не евший уже столько дней, вдруг стал чудовищно толстеть; у меня опухли ноги, руки и все тело. При самом легком нажатии мои пальцы углублялись на целый дюйм в мою кожу, и эти ямки долго не исчезали.

Тщательно, своими голыми руками, я вычистил каждую впадину от соли в надежде, что следующий ливень наполнит ее водой, которую можно будет пить. Моя печальная участь и воспоминания о дорогих мне людях в Экльтоне вызывали у меня глубокую тоску, под влиянием которой я иногда часами лежал без памяти. И это было для меня благодеянием, так как иначе мои страдания убили бы меня.

Ночью я был разбужен шумом дождя и я стал ползать от одной впадины к другой, ловя дождевые капли, или слизывая их со скал. Вода была солоноватая, но все же годная для питья.

Этот дождь спас меня, потому что я проснулся к утру в обильном поту и без всякого бреда.

Просто удивительно, каким богатым я почувствовал себя, имея такой большой запас солоноватой воды. И ни один богатый купец, корабли которого вернулись из удачного путешествия и амбары которого были до верха наполнены большими ящиками с товарами, не мог почувствовать себя таким богатым, как я, в тот день, когда я нашел выброшенный на скалу труп тюленя, очевидно, околевшего уже несколько дней тому назад.

Зная расслабленное состояние моего желудка, я ел очень умеренно, понимая, что если я поддамся естественной прожорливости, то это, несомненно, убьет меня. Никогда еще более вкусные куски не касались моих губ, и я признаюсь, что чуть не плакал от радости при виде этой разлагающейся туши тюленя.

4. Истребление тюленей.

Когда я проснулся на следующий день, то был уже другим человеком. Солнца не было, но это не смутило меня. Я протирал глаза и смотрел снова, не веря себе, потому что повсюду, куда мог видеть глаз, утесы, окаймляющие океан, были усеяны тюленями. Тут были тысячи тюленей, а в воде резвились другие тысячи этих животных, и звуки, которые при этом они издавали, были просто оглушительны.

Как только я их увидел, то понял, что было мясо, которым можно было воспользоваться,—достаточное количество мяса для двадцати судовых команд.

Я тотчас же схватил свое весло,—на острове не было другого дерева,—и осторожно приблизился к этому огромному запасу пищи. Я быстро сообразил, что эти морские создания не были знакомы с человеком. Они не выказывали ни малейшего признака страха при моем приближении и было самым пустяшным делом избивать их веслом, ударяя по голове. Но когда я убил, таким образом, третьего и четвертого тюленя, мной овладело безумие. Я продолжал убивать без конца, пока не дошел до полного изнеможения. Какое страшное избиение могло бы остаться у меня на совести, если бы под конец все тюлени, оставшиеся в живых, не бросились бы внезапно в воду и не исчезли!

Но я шатался от слабости, когда стоял на ногах...

Я работал четыре дня и под конец я очень гордился тем, что у меня не пропало даром ни одного кусочка мяса из всех 200 убитых тюленей. Такая усердная работа была полезна для моего организма, который быстро восстановился, благодаря подкрепляющей пище, так как я мог уже не ограничивать себя. Никогда за все семь лет, которые я провел на этом островке, хорошая солнечная погода не продолжалась так долго, как непосредственно после избиения тюленей. Хорошо сушились шкуры и мясо.

Прошло много месяцев, прежде чем тюлени снова явились к моему островку. Однако, в этот промежуток времени я отнюдь не ленился. Я построил для себя хижину из камней, и возле нее кладовую для хранения сушеного тюленьего мяса. Крышу своей хижины и покрыл тюленьими шкурами, так что она стала непромокаемой. И никогда я не забывал о том, когда дождь барабанил по моей крыше, что меня, несчастного матроса, заброшенного на эту пустынную скалу, защищали от разбушевавшихся стихий шкуры, которые на лондонском меховом рынке ценились чрезвычайно дорого.

Я скоро сообразил, что для меня очень важно было бы вести тем или иным способом счет времени. В противном случае я могу утратить всякое представление о днях недели, перестану отличать один день от другого.

При помощи семи камней, снаружи моей хижины, я составил еженедельный календарь и на одной стороне весла сделал зарубки для каждой недели, а на другой—для месяцев, при чем я даже не упустил добавочных дней к четырем неделям.

5. Египетская работа.

Просто удивительно, какое количество работы требовалось при данных условиях, чтобы удовлетворить даже самым простым потребностям человека в пище и убежище. Действительно, в этот первый год моего пребывания на скале я редко оставался без всякого дела. Моя хижина, представлявшая лишь простую нору среди утесов, все-таки потребовала шесть недель работы. А медленное просушивание и бесконечное скобление тюленьих шкур, чтобы сделать их более гибкими и мягкими для одежды, занимали все мои свободные минуты в течение долгих месяцев.

Затем передо мной стоял вопрос о снабжении водой. После каждой сильной бури налетающие брызги соленой воды насыщали солью мои запасы дождевой воды так, что временами мне приходилось очень тяжело, пока снова не падали дожди, еще не сопровождаемые сильным ветром.

Зная, что постоянное долбление может разрушить камень, я выбрал большой камень хорошего и плотного строения и выдолбил в нем ямку посредством маленьких камней. Через пять недель очень упорной работы мне удалось сделать нечто вроде кувшина, который, как я полагал, мог вместить полтора галлона воды. Позднее я, таким же образом, сделал кувшин в четыре галлона. На это у меня потребовалось девять недель. Кроме того, я приготовил еще несколько маленьких кувшинов, работая над ними от времени до

времени. Один из сделанных кувшинов, который мог бы вместить восемь галлонов, дал трещину, после того, как я проработал над ним семь недель.

Но только на четвертый год моего пребывания на острове, когда я уже примирился с мыслью, что проживу здесь до конца моих дней, мне удалось сделать образцовое произведение. Я потратил восемь месяцев на приготовление этого кувшина, но он был прочен и вмещал более тридцати галлонов.

Я необыкновенно радовался при виде своих каменных кувшинов и даже временами безмерно гордился своими произведениями.

Я приготовил также маленький каменный сосуд, вмещавший не более кварты, посредством которого я брал воду из впадин и переливал ее в мои большие сосуды. Если я скажу, что этот маленький сосуд весил около 28 фунтов, то читатель поймет, какой тяжелой работой было одно только собирание дождевой воды.

И вот, таким путем я устроил свою одинокую жизнь настолько удобно, насколько это было возможно. Я сделал для себя уютное и безопасное жилище, а что касается пищи, то у меня всегда был запас ее на шесть месяцев, предохраненный от порчи солением и высушиванием.

Как ни были печальны мои перспективы, но я все-таки не переставал надеяться на то, что в конце-концов кто-нибудь да прийдет ко мне на помощь.

Мне часто хотелось иметь огонь и ощущать вкус жаренного мяса. Часто я томился также желанием иметь табак. Мой сон бывал для меня мучением в таких случаях, потому что мне снилось, что я владею целыми складами табаку и я грезил о кораблях, груженных табаком, и о табачных плантациях.

Я не мог совершенствовать свой ум и потому решил улучшить свой пустынный островок. Я трудился четыре месяца над сооружением каменной стены в тридцать футов, включая ее крылья, и двенадцать футов вышиной. Эта стена служила защитой для моей хижины во время бури, когда весь остров казался маленькой птичкой в пасти урагана.

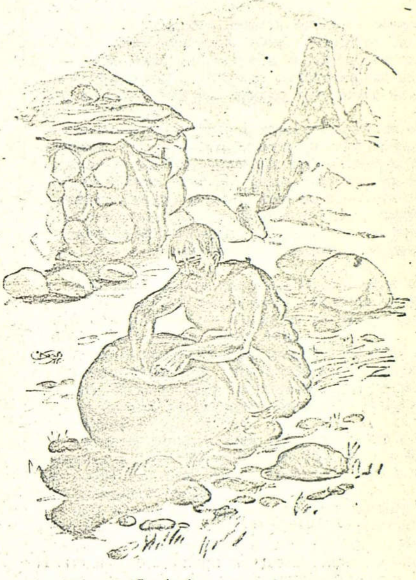
На третий год своего пребывания я начал строить колонну из камней. Вернее, это была четырехугольная пирамида, широкая у своего основания и постепенно суживающаяся к верхушке. Я мог только таким образом, так как на всем острове не было ни одного деревца и нельзя было построить лесов.

Но моя пирамида была готова не раньше конца пятого года. Она находилась на самой вершине острова и, так как вершина возвышалась на 40 футов, будет понятно, что я без всяких орудий удвоил высоту острова.

Это была не вавилонская башня, но она служила двум целям: во-первых, я мог оттуда наблюдать, не покажется ли какой-нибудь корабль в океане, а во-вторых, какой-нибудь моряк, беззаботно блуждающий взором по океану, мог случайно увидеть ее и, открыть таким образом мой остров. И эта мысль поддерживала во мне бодрость духа и тела.

18 июня, на шестом году моего пребывания на острове, я увидел парус, но судно было слишком далеко и не могло заметить меня. Появление этого паруса скорее доставило мне удовольствие, нежели разочарование. Это мне доказывало, в чем я раньше до некоторой степени сомневался, что это море все же иногда посещается мореплавателями.

На шестом году, когда я убедился, что корабли иногда рассекают волны этого моря, я стал вырезывать на своем весле рассказ о всех подробностях того, что случилось после моего отплытия из Америки.

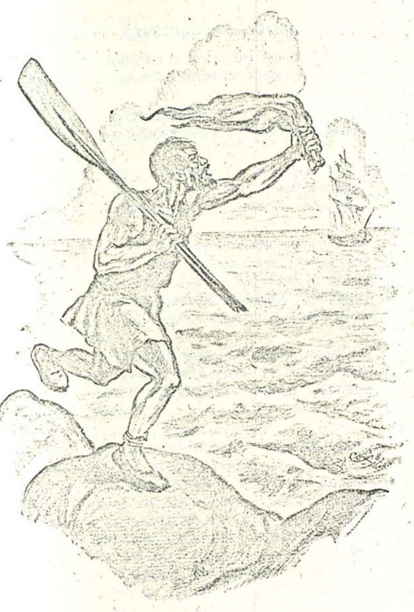
Я выдолбил в камне ямку...

Я старался вырезать буквы, хотя и очень маленькие, как можно яснее и как можно более прочными. Иногда в день мне удавалось вырезать не более пяти или шести букв, до такой степени это была кропотливая работа. И даже, если мне не суждено было вернуться к моим друзьям и близким в Экльтоне, я все же решил запечатлеть на лопасти весла рассказ о моей печальной судьбе и судьбе моих товарищей.

Я теперь старательно берег это весло и больше не употреблял его для избиения тюленей. Вместо него я сделал себе каменную дубинку.

6. Страшная буря.

В марте, на шестой год моего заключения на острове, я перенес самую страшную бурю, какую когда-либо мог наблюдать человек. Она началась в девять часов вечера приближением черных туч и усилением порывов ветра, дувшего с юго-запада. К одиннадцати часам ветер превратился в сильнейший ураган, сопровождаемый непрекращающимся громом и ослепительной молнией, ка-

Я прыгал со скалы на скалу.

кую мне никогда еще не приходилось видеть. И я не мог не тревожиться за безопасность острова. Громадные валы набегали на него со всех сторон и только верхушка моей пирамиды оставалась в неприкосновенности. Я почти задыхался от ветра и брызг и понял, что я обязан спасением своей жизни только тому, что я так старательно выстроил свою пирамиду и удвоил таким образом вышину острова. А утром я еще больше мог радоваться своей предусмотрительности. Все мои запасы дождевой воды стали солеными, за исключением той, которая сохранялась в небольшом сосуде с подветренной стороны пирамиды. Я знал, что при известной бережливости мне хватит этой воды до следующего дождя, хотя бы он и запоздал.

Моя хижина была совершенно смыта морем, а от моих запасов тюленьего мяса, осталось лишь маленькое количество какой-то кашицы. Но зато я был приятно удивлен, увидя, что поверхность скал покрыта выброшенными морем рыбами, похожими на головлей.

Я их выпотрошил и высушил на солнце, как треску. Но это приятное разнообразие пищи чуть не погубило меня. Я об'елся рыбы и чуть не умер в ту ночь.

7. Спасение.

К концу седьмого года, в сентябре, когда я составил план возвысить мою пирамиду до 60 футов над вершиной острова, я проснулся однажды утром и увидал корабль с опущенными парусами, который был так близко, что почти можно было окликнуть его.

Меня могли увидеть, и, дабы обратить на себя внимания, я стал махать веслом, прыгал со скалы на скалу и вообще проявлял чрезвычайную живость движений, пока не увидел, наконец, на корме моряков, смотревших на меня в подзорную трубу. Они отвечали мне, указывая на самый крайний западный пункт острова, куда я тотчас же поспешил. Там я увидал лодку, которой управляли шесть матросов.

Позднее я узнал, что корабль изменил свой курс, привлеченный видом моей пирамиды. Но прибой был так силен, что лодка не могла причалить к моему негостеприимному берегу.

После нескольких безуспешных попыток они сигнализировали мне, что должны вернуться на корабль. Можете себе представить мое отчаяние, когда я увидал, что не могу покинуть мой пустынный остров.

Тогда я схватил свое весло и вместе с ним спрыгнул в пенящийся прибой. Так велики были мое счастье и мои сила и ловкость, что я все-таки доплыл до лодки.

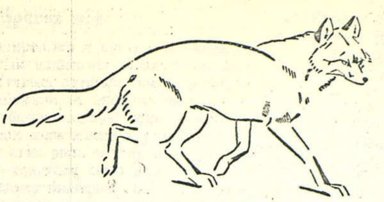
Нам пришлось плыть почти час, чтобы добраться до корабля, который далеко отнесло течением. В течение долгих восьми лет я был лишен табака и тут я не мог сдержать своего желания и попросил у второго, сидевшего на руле, щепотку табаку для жевания. Он дал мне и, кроме того, протянул мне свою трубку, набитую прекрасным виргинским табаком. Но не прошло и десяти минут, как я почувствовал сильнейшую дурноту. И это понятно. Мой организм совершенно отвык от табака и то, что я испытал теперь, было отравление табаком, какое наблюдается у мальчика, когда он впервые начинает курить. Но с этой минуты я больше никогда не употреблял табаку и не испытывал желания курить.

■ ■ ■ ■ ■

В. Дуров.

ЛИСИЦА В НЕВОЛЕ.

Трудность дрессировки лисиц.

Я не встречал дрессированных лис ни в России, ни за границей и решил быть первым дрессировщиком этих животных.

Первую лисицу я приобрел в Ковно. Ее принесли в цирк в мешке. При перенесении в клетку она искусала мне руку.

Лисица долго болела. Надеть на нее ошейник с железною цепью было очень трудно. Пришлось прибегнуть к помощи кранцера[1]) и надеть ошейник насильно.

Лиса целыми часами лежала неподвижно, забившись в угол клетки, а при приближении прижимала уши к затылку, оскаливала зубы и издавала горловые отрывистые звуки, напоминающие сильное откашливание. Глаза у нее в это время горели зеленым фосфорическим светом.

Лишь только служащий делал попытку перегнать ее в другую клетку, чтобы вычистить ту, в которой она сидела, как лисица поднимала особенным образом зад и начинала гадить.

Так она выражала чувство страха.

Лиса была очень пуглива и дика; металлическую посуду с водою хватала зубами и опрокидывала; мясо ела только тогда, когда долго не подходили к клетке. Тогда она осторожно, пугливо пятясь назад, брала с решетки мясо и с жадностью глотала его целиком, не пережевывая. При очистке клетки кранцером хватала железо зубами, издавая свои отрывистые звуки.

Наконец, настало время дрессировки. Я посадил лису на цепь при помощи кранцера. Лиса упиралась всеми четырьмя ногами, когда я ее зацеплял кранцером, и грызла все, что попадалось ей на пути. Привязанная цепью к двери, она не ела, но пила с жадностью.

Как только я ее отвязывал, она бросалась в стороны и тащилась, упираясь лапами. Очутившись на арене, привязанная там к лонже[2]), лиса пыталась бежать, но почувствовала, что лонжа не пускает, натянула ее и, упираясь, застыла, пока я не взял ее за хвост. Тут лиса довольно сердито огрызнулась на мою руку. Ей удалось сорваться с лонжи, волоча цепь, спрятаться в темном проходе под галлерей.

Там сидела она в дальнем углу, щелкала зубами и отбивалась, не подпуская к себе никого. Ей была накинута на голову с большим трудом петля; нападения ее отбивались палкой, которую она грызла до того, что из ее десен сочилась кровь.

Пришлось посадить дикарку надолго в клетку. Во время переезда в другой город она прогрызла стенки клетки, выпрыгнула из вагона и убежала.

Все ли лисы похожи одна на другую?

Теперь у меня четыре лисицы, и в этом рассказе я хочу доказать, что моя лиса Патрикеевна и ходит иначе, чем другие лисы, и пищу принимает не так, как остальные, норовя вырвать у меня ее из рук при каждом удобном случае, и походка-то у нее своя, какая-то подкрадывающаяся, и когда она радуется, то виляет хвостом совсем иначе, чем ее товарищи.

Совсем не похож на Патрикеевну Вихрь, лисица на высоких тонких ногах, которая быстро бегает по клетке или по сцене и не умеет красться с кошачьими ухватками Патрикеевны. Вихрь—сама искренность, прямота; голова его высоко поднята кверху; он гордо смотрит по сторонам. Зато Патрикеевне не угнаться за Вихрем в прыжках,—недаром же я дал им эти клички: один—воплощение хитрости, другой—воплощение ловкости.

И совсем не похож ни на того, ни на другого Желток. У Желтка—пушистый и короткий хвост, и этот хвост служит ему прекрасным балансом при хождении на задних лапках. У него совсем иная повадка ходить и бегать, а бегает он, быстро перебирая лапками, и всегда как-то искоса смотрит на меня.

И самая последняя лисичка—Белочка или Белок, та совсем уже резко отличается ото всех остальных.

Когда всем лисам дается мясо с палочки, чтобы они не укусили меня или служителя за руку, я даю Белочке мясо прямо из рук, потому что она берет его так осторожно и деликатно, что никогда не сделает человеку больно. Она ласкается, как кошечка, подставляя под мою ладонь свою голову и спину, спокойно подходит ко мне, ложится на спину, поднимая брюшко наверх, и начинает визжать, прося ласки. Зато она не переносит моих ног на спине, когда на мне надеты шелковые цветные чулки, и безжалостно кусает эти „чужие“ ноги.

Мне кажется, будто Белочка думает, что мои ноги на сцене—это посторонний предмет, который ей мешает добраться до моих рук—источника ее лакомства.

Итак, каждая лисица имеет свой нрав, свои манеры, свои привычки, и все это ярко выражается в походке и поведении животного.

По одной лисице нельзя судить обо всех вообще.

---

[1]) Кранцер—железная палка, на одном конце которой скребок, и этим скребком чистят клетку,—а на другом—кольцо. Укротитель продевает цепь через кольцо и притягивает к себе животное, при чем железная палка держит его на известном расстоянии от укротителя и мешает его укусить.

[2]) Лонжа—веревка, один конец которой привязывают к кушаку наездника (мальчика, ученика), а другой учитель держит в руках. Если ученик упадет с лошади, он повиснет в воздухе и не ушибется,—лонжа помешает ему упасть на землю.

Врагов нет.

Я принес в вагон кролика и пустил неожиданно к лисицам. С некоторым волнением ждал я, что произойдет. Ведь лисы—старые, злейшие враги кроликов.

Патрикеевна подбежала к длинноухому гостю, понюхала воздух и отбежала прочь, подняв уши. За это она получила кусок мяса в виде вкусопоощрения.

Кролик спокойно стал рыть в углу ямку, а Патрикеевна неподалеку уплетала свою награду.

Кролик несознательно подбежал к Патрикеевне. Она быстро захватила мясо, отбежала прочь и спрятала свое сокровище в землю, как будто маленький гость, слишком близко к ней подошедший, мог отнять у нее лакомство.

Это первое знакомство, сошедшее так благополучно, меня очень порадовало.

Патрикеевна играет с бумажкой. Я спускаю вновь к ней кролика. Это уже второй опыт. Она делает вид, что ничего не замечает, а потом, пригнувшись грудью к земле и подняв зад и хвост кверху, прыгает к кролику.

Кролик доверчиво подбегает к лисе; на этот раз лиса дает тягу, шарахнувшись в сторону.

Положительно забавно, что сильная лисица точно боится слабого кролика.

Я бросаю мясо Патрикеевне; она, понюхав его, хватает и бежит от кролика за клетки.

Кролик, очевидно, принимает лисицу за одну из виденных им моих дрессированных собак и спокойно роет ямку за ямкой, сопровождая это своим обычным стуком задних лап о землю.

Патрикеевна зарыла свое сокровище—мясо от мнимого похитителя и теперь уже смело приближается к кролику.

Я на страже и не спускаю глаз с лисы, готовясь каждую минуту придти на помощь длинноухому смельчаку.

Патрикеевна пробегает очень близко от кролика, как будто не замечая его. Но вот кролик подбегает к клеткам, где Патрикеевна только что зарыла мясо. Лиса моментально поворачивается и, перепрыгнув через кролика, спешит к закопанному мясу, вырывает его, отряхивает от земли и торопливо ест, издавая отрывистые гортанные звуки.

Покончив с мясом и набегавшись по площадке загона, Патрикеевна опять начинает играть, при чем, видимо намеренно, пробегает мимо кролика, совсем близко, как бы приглашая его играть.

Кролик совсем не обращает внимания на лису и спокойно умывается лапками.

Звонок, и Патрикеевна должна быть в клетке.

На другой день, когда Патрикеевна, выполнив свой урок на качели и протанцовав вальс, была отпущена на свободу играть, к ней снова явился вчерашний длинноухий гость.

Патрикеевна грелась на теплом осеннем солнышке, когда неподалеку появился кролик.

Он сидел на одном месте, прижав уши к спине. Видя, что его никто не трогает, кролик стал прыгать. Я дал ему морковку; кролик начал ее грызть.

Патрикеевна не выдерживает, встает и, не спуская глаз с кролика, пригнувшись и приседая на своих кривых лапах, подходит к кролику сзади, вытянувшись, осторожно нюхает его спину, но вдруг отбегает в сторону и снова подходит к нему с другой стороны.

Кажется, как будто они играют, но хитрая Патрикеевна вдруг неожиданно бросается к кролику и тычет носом в его шерсть, намереваясь схватить его зубами. Мой крик кладет этому конец. Я подбегаю к зверькам. Лиса отбегает в сторону и смотрит на меня, поджав хвост.

Кролик унесен.

Я задаюсь целью во что бы то ни стало сделать друзьями лису и кролика и вечером в тот же день снова впускаю к Патрикеевне кролика. Патрикеевна не обращает на него никакого внимания и лезет ко мне за мясом, но я осторожен, зная по опыту ее сноровку; она делает вид, но этому виду верить нельзя.

Я ставлю вторично качели. Патрикеевна вскакивает на них и качается. Кролик бегает по площадке загона. Звонок. Патрикеевна—на месте. Я выпускаю ее и снова зову мясом. Патрикеевна подходит, берет мясо с вилки и идет за мной.

Я подхожу к кролику и даю ему морковку левой рукой, а правую с мясом протягиваю Патрикеевне, постепенно сближая руки. Кролик грызет морковку, сидя на ней.

Патрикеевна снимает с вилки кусок за куском мясо совсем близко от кролика, косясь на него.

Я подставляю тарелку с молоком. Кролик пьет; Патрикеевна нюхает молоко и отталкивает кролика задом. Лисица лакает, спешит, спешит, выпивает все и визжит, хвостом виляет в сторону кролика, задевая его им.

● ● ●

Маленький точильщик.

У трактиров, у пекарен
(Надо как-нибудь прожить!)
Ходит с выкриками парень:
„Эй, ножи точу, ножи!“
Самого-то чудака
Спрячешь за точилом,
Но тверда его рука
И глядит не хилым.
Загудит точило быстро
Под ногой привычною,—
Замелькают крошки-искры
Золотыми птичками!
„Эй, быстрей, вострей точи
Ножички-ножишки,—
Будут булки, калачи
И сестренке книжки!
Поработаю сейчас,—
А под вечер в школу!
Так и ходит всякий раз
Паренек веселый.

Николай Богданов.

М. Михайлов.

— Хорошее имя! Так и назовем тебя,—еще раз улыбнулся командир. Хохоту красноармейцев не было конца.

— Ты что в трубе делал? —продолжали допрашивать его.

— Ехал!

— Куда ехал?

— Белых бить! — ответил мальчик и начал протирать засыпанные сажей глаза.

Федьку (по теперешнему «Апчхи») подставили под водопроводную трубу, из которой наливают воду в паровозы, и пустили воду с такой силой, что он чуть сам не уплыл вместе с сажей.

Через пять минут перед Броненосцем стоял белокурый мальчик и рассказывал:

— Тятька у меня на фронте. Ушел с фабрики добровольцем в Красную армию. Ну, и я за ним. Думаю, догоню.

— А ты зачем же в трубе ехал?

— Там кондукторов меньше бывает,— ответил мальчик.—Все равно, как в отдельном купэ. Только бы вот сажи надо поменьше.

— Ну, так как же?—обратился командир к красноармейцам.—Отправляем его обратно домой, что-ли?

— Да нет, что вы, товарищ командир,—пускай с нами едет.

Когда мальчик услышал, что он поедет дальше, он радостно запрыгал и опять полез на паровоз.

— Ты куда?

— А в трубу.

Броненосец схватил его за рубаху и потащил подальше от паровоза.

— Нечего тебе бояться. Будешь жить с нами.

По дороге Федька осторожно ощупал свой правый карман. Когда он убедился, что пачка, которую он тщательно берег от взглядов красноармейцев, цела, он бегом пустился за Броненосцем.

Хорошее имя—так и назовем тебя.

Что это была за пачка? будьте спокойны: Федька не расскажет.

Незаконный пассажир.

Машинист беспокоился.

Полчаса он осматривал паровоз, рылся в каждом его винтике, два раза чистил топку, но ничто не помогало: дым продолжал валить. К топке нельзя было подойти из-за дыма, который почему-то задерживался в трубе.

— Товарищ Афанасьев!—Эшелон должен двинуться через десять минут.

Это сказал суровым голосом громадный матрос—начальник эшелона. Звали его Артем Коженов, но из-за своего большого роста он был больше известен под кличкой «Броненосец».

— Не пойму,—пожаловался ему машинист.—Все в исправности, а дымоход шалит. И он снова начал выстукивать каждую гайку.

Прошло десять минут. Паровоз ни с места.

Красноармейцы гурьбой собрались около машиниста и стали в нетерпении ему помогать, а Броненосец даже влез на паровоз.

Вдруг ему почудился в трубе какой-то шум. Он прислушался. Шум продолжался. Было похоже, что в трубе шевелится что-то живое

— Эй, ты! Вылезай!

В трубе стало тихо.

— Вылезай! Стрелять буду! — еще громче закричал матрос и наставил на трубу дуло «ногана».

Из трубы выкатилось что-то черное и упало возле паровоза.

Когда красноармейцы разглядели, что это такое, они чуть не померли с хохоту. Даже суровый Броненосец и тот не мог сдержать улыбки.

— Тебя как звать?—сурово обратился он к мальчишке, которым оказалось странное существо.

— А...

— Как?

— А...

— Да как звать-то тебя?—уже рассердился матрос.

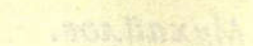
— А... Апчхи!—сочно чихнул мальчишка.

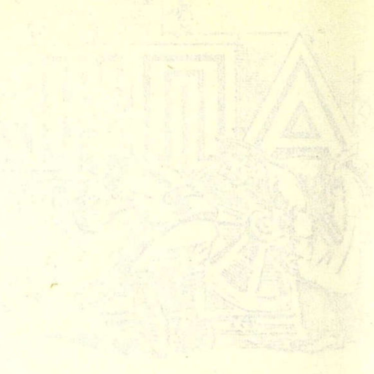
В походе.

Это происходило недалеко от Москвы осенью 1919 года.

Войска генерала Деникина, дойдя чуть ли не до Тулы, начали отступать под напором красных войск. Все силы Советской республики были направлены на этот фронт.

В число «всех этих сил» попал и Федька.

Он за день своего пребывания в теплушке очень подружился с Броненосцем и со всеми красноармейцами.

Таинственная пачка продолжала лежать у него в кармане. Красноармейцы заметили, что у Федьки карман оттопыривается, но на все их расспросы Федька ничего не отвечал. Однажды, когда он спал, красноармейцы из любопытства обыскали его, но ничего не нашли. Должно быть, он ее перед сном спрятал.

Наконец, красноармейцы угомонились и перестали приставать. Федькин карман попрежнему оттопыривался.

Он глубоко хранил свою тайну.

Так как становилось холодно, Федьку нарядили в длинную шинель, на которую он наступал каждую минуту, в большие сапоги и в огромную черную папаху. Так как он винтовкой плохо владел, ему дали маленький револьвер-браунинг.

Теплушка продолжала двигаться на юг.

Скоро стали ясно слышны пушечные выстрелы. Это наши наступали на Орел.

Федька весь преобразился.

— Даешь Орел!— кричал он, взволнованно бегая от одной теплушки к другой.

Красноармейцы теперь не обращали на него никакого внимания. Они спешно чистили пулеметы, разнимали винтовки и готовились к предстоящему бою.

Федьку нарядили в длинную шинель.

Апчхи продолжал бегать. Один раз он запнулся о свою длинную шинель, упал и окровавил себе нос.

— Вот тебе и Орел, шутили над ним. А он, как ни в чем не бывало, подошел к Броненосцу и говорит.

— Товарищ командир. Я ранен в нос. Прошу выдать мне награду.

Награду он не получил, а только красноармейцы его еще больше полюбили.

Выстрелы становились все слышнее и слышнее.

На одной маленькой станции им сообщили, что дальше ехать нельзя. Эшелон выгрузился из теплушек и быстро выстроился. Сотни ног равномерно застучали по каменному шоссе. Завтра нужно было прибыть к месту сражения.

Федька подобрал полы шинели и быстро зашагал сбоку.

Наконец-то он увидит настоящее сражение.

Ему живо представлялось, как он нападает на самого Деникина и стреляет в него со словами:—Ты, негодяй, убил сотни рабочих и крестьян, и за это тебе мстит Федька Апчхи.—То-то позавидуют ребята, когда он вернется обратно домой на Красную Пресню! Во всем Зоологическом саду он будет первым героем.

Первый подвиг.

„Наступающий генерал Слащев обошел нас с левого фланга. Примите меры к задержанию",—гласила телеграмма из центра.

Апчхи телеграмма не застала. Он уже был в походе.

Их было восемьсот человек. Они шли уже около четырех часов, а неприятеля все не было видно. Обеспокоенный Броненосец выслал вперед конную разведку.

Я ранен в нос.

— И я с вами,— взмолился Федька к разведчикам.

—Брысь, куда тебе!

Но Федька ухватился за хвост лошади и нипочем не хотел отстать. Пришлось взять.

Проехав шагом версты полторы до леса, разведчики слезли с коней, оставили Федьку стеречь их, а сами отправились поглубже в лес. Как ни хотел Апчхи пойти с ними но лошадей нельзя было оставить, и он покорился.

Чтобы как-нибудь скоротать время, он вынул кисет с махоркой, свернул цыгарку и закурил. Дым лез ему в горло и в нос, заставлял кашлять, но он продолжал курить, чтоб выдержать характер. Скоро у него закружилась голова.

Вдруг он услышал возле себя какой-то шум. Быстро вскарабкался на дерево, и стал смотреть.

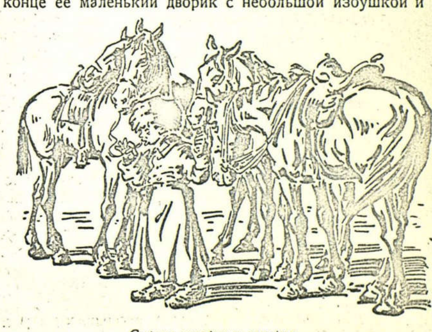
Вот из-за деревьев вышли три бывших с ним разведчика, а сзади, избивая их, шло около десяти деникинцев с белыми лентами на фуражках.

Апчхи затаил дыхание. Он понял—разведчиков ждет смерть.

Он решил итти за ними, карабкаясь с одного дерева на другое.

Лес кончился.

Впереди открывалась небольшая поляна и в конце ее маленький дворик с небольшой избушкой и

Свернул цыгарку и закурил.

сараем. Туда-то и повели деникинцы пленных разведчиков.

Как только стемнело, Апчхи воробьем соскочил на землю и ползком начал пробираться к дворику.

— Кто идет?

Винтовка защелкала в руках часового.

— Кто идет?

Ни слова.

— Должно быть, ящерица,—подумал часовой и продолжал свой обход.

В домике раздавались громкие голоса.

Апчхи подкрался к окну и застыл.

В комнате находилось человек двенадцать. Все разместились у стенки и приготовились спать. Старый седой человек в офицерском костюме говорил почтительно-стоявшему перед ним человеку, на вид казаку:

— Долго не возиться. Через час вывести из сарая и расстрелять.

Апчхи как и не бывало у окна. Он уже полз к сараю, который охраняли двое часовых.

Как только часовые поравнялись, он выхватил из кармана свой таинственный предмет, поднял руку и тихо, чтоб не услыхали в домике, крикнул часовым:

— Ни с места! Иначе эта бомба разорвет вас в куски.—Он начал размахивать пачкой, которая в его руках приняла зловещие очертания.

Часовые замерли от страха и уронили винтовки. Тотчас же Апчхи поднял их, спрятал пачку в карман и наставил на них дуло винтовки.

— Это будет вернее, а то моя «бомба» не стреляет,—подумал он.

Апчхи загнал часовых в сарай, сам вошел и тихо позвал разведчиков по фамилии.

— Федорчук, Левченко, Можаев!..

— Я вас заслоню, а вы бегите,—Разведчики взяли винтовки.

Громко щелкнула скоба и в двери показался фонарь. Апчхи выстрелил прямо в фонарь. Свет погас. Апчхи продолжал стрелять в темноте. Поднялась суматоха, во время которой разведчики успели удрать.

Патроны кончились. Белогвардейцы, увидя, что все стихло, начали окружать домик. Теперь Федьке надо было подумать, как спастись самому. Он вышел в сени и начал ощупывать пространство. Так он нащупал несколько бочек. Все они были почти до верху наполнены чем-то клейким. Попробовал на язык—сладко. Это была патока.

Шаги послышались у самых дверей.

Федька спрятал свою таинственную пачку около дверей, а сам, не долго думая, влез в бочку. Он погрузился до самого носа. Тяжелая патока начала давить его, и ему показалось, что

„Долго не возиться, расстрелять!"

Часовой уронил винтовку.

он стал весить втрое больше. Потом ощущение клейкого и сладкого стало неприятно и его начало тошнить.

Между тем, сарай обыскивался необычайно тщательно, но никто не мог подумать, чтобы живой человек мог спрятаться в бочке с патокой.

Патока стесняла движения.

Скоро в сарае все смолкло. Они ушли.

Вылезть из бочки не было никакой возможности. К ногам будто привесили пятипудовую гирю. Тогда апчхи нажал на край бочки и опрокинулся вместе с ней. Патока почти вся вытекла, но все же сильно стесняла движения.

Кое-как дополз он до двери. Стало немного легче. Тогда он встал и, еле двигаясь, начал пробираться к избушке, предварительно захватив с собой свою неизменную пачку.

На ощупь эта пачка была довольно мягкой и уж во всяком случае не могла быть бомбой.

Он дополз. Нос его теперь уже по настоящему приклеился к стеклу.

В домике никого не было: все пошли разыскивать беглецов.

Миг—окно выбито... Апчхи очутился в комнате. Пробежал глазами. На столе портфель. Тотчас же этот портфель приклеился к Федькиной руке, и Федьки не стало. Он уже в лесу, спешит к своим лошадям. Приполз. Лошадей нет. Разведчики ускакали на них от погони белогвардейцев.

Апчхи двинулся пешком к своему отряду.

Темная ночь берегла его.

(Продолжение в следующем №).

Варят кашу.

Пионеры,

На открытый воздух.

Весна в полном разгаре. Ярко светит солнце. Весело звенят ручьи. Пробуждается природа. Скорее на свежий воздух из каменных стен, из душных комнат! Побегать, поиграть!

Подставляйте свое тело живительному воздуху и солнечным лучам. Пусть дышет тело свободно. У пионера открытая грудь, голые колени, засученные рукава, легкая одежда. Он закаляет себя и укрепляет свое тело. Ему стыдно быть изнеженным. Он пример для других.

Если есть возможность, то не только играть надо на открытом воздухе, а работать и спать.

Чтобы быть здоровым, ловким, сильным, надо постоянно упражняться в игре, беге, лазаньи и прыганьи. Легкие работают усиленно. Сильнее бьется сердце. Быстрее течет кровь в жилах. Повышается аппетит. Тело обновляется, набирается сил. Пионер должен быть здоровым и крепким.

Если нет возможности выехать за город в лагерь, устройте ночевку в палатках в саду, на пустыре. Устраивайте прогулки за город, в лес, в поле. Изучайте, наблюдайте природу.

Нет необходимости обязательно жить в палатках. Можно жить в деревне, в избах, сарае. Особенно в сырую погоду не надо подвергать себя ненужному риску спать под открытым небом, а тем более слабым ребятам.

Лето дает возможность на деле осуществить смычку с деревней, завязать связь с крестьянскими ребятами, внести культуру в деревню, ознакомиться с крестьянским хозяйством, участвовать в полевых работах. Устраивайте с деревенскими ребятами совместные игры, беседы, праздники, вместе с ними переночуйте в ночном. Несите в деревню книгу, газету, участвуйте на крестьянских сходах.

Организованные пионеры—пример для крестьянских ребят.

Живя в лагере, пионер особенно должен помнить заветы Ильича о просвещении деревни и всеми силами осуществить их на деле.

Пионерка **Наташа** (Москва.)

В лагерях.

Мы отправляемся в лагеря. Собрали одеяла, матрацы, палатки и все, что нужно. Узлы получились нескладные. Наш вожатый показал нам, как скатывать палатки и одеяла по походному, чтоб удобно было итти. Мы все так и сделали.

По сигналу выстроились на площадке. По команде „смирно, шагом марш" стройно двинулись в путь. Всю дорогу пели песни.

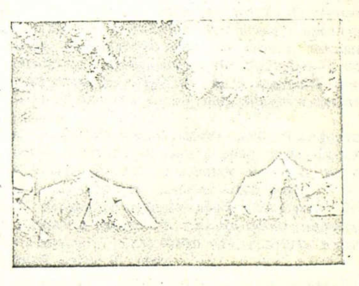
Придя на место, первым делом расчистили площадку, растянули палатки, вбили колышки, устроили постели. Забрались в палатки. Все было хорошо, только здорово внизу поддувало. Оказывается, забыли окопаться. Дружно все за работу, за лопаты, и живо все было готово. Потом сделали в земле кухню с котлом и кипятильником для чая. Столовую устроили также под открытом небом.

В палатках у нас у девочек было веселее. Мальчики все поодиночке переходили к нам. Уселись все в кружок и запели песни. Но это продолжалось недолго. Вскоре подали сигнал на поверку, после которой все разошлись спать.

Рано поутру мы пошли полоть пшеницу. После четырех часов работы нас стала донимать жажда. Мы пошли к палаткам в надежде попить чайку. Вышло иначе: нам продуктов не привезли, и мы остались голодные. Тогда мы решили итти купаться. Речка была за две версты. По дороге находили с'едобные коренья и ели.

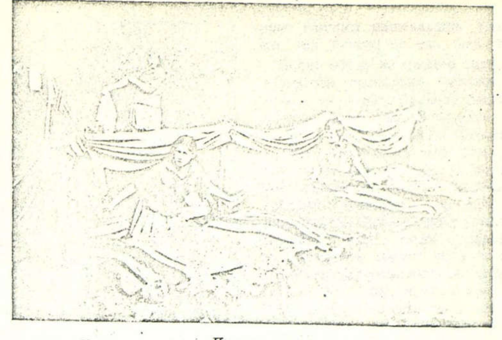
Придя к речке, из нас никто не решался прыгнуть в воду. Мальчики показали нам место, где можно было купаться, так как они уже были здесь. Мы попрыгали, как лягушки, и весь страх пропал. Когда мы вернулись в лагерь, наши ребята уже приготовили чай. Уплели мы по краюшке хлеба и пошли отдыхать.

Макеева (Симбирск).

Лагерь московских пионеров

в лагеря!

Просушка постели.

Мы в „Ивановке".

Стали мы лагерем на опушке леса, на бугре, а внизу луга на десятки верст ковер раскинули, поперек голубой речкой перепоясаны, на той стороне речки сельцо виднеется—Ивановка.

Вот туда мы и направились восемь челове к. Солнце огромным шаром, шафранным-желтым закатывалось, тихо вечер вползал, серый, незаметный.

Когда мы вышли в село, нас обдало теплым парным запахом молока—только-что прошло стадо коров. С этим запахом мешался приятный запах дымка от костров, что тут и там разложили хозяйки варить ужин на шестках.

На бревнах у школы сидели мужики, парни, ребятишки, чуть не все мужское население Ивановки. Перед ужином отдыхали от работы, о новостях говорили. Мы поздоровались. Нам ответили хорошо, ласково.—Здравствуйте. Рады гостям.

Сели и мы на бревна.

— А кто вы теперь будете?—спрашивают.

— Мы пионеры из Москвы.

— А што это пионеры—вроде как бы комсомола, или еще што?

—Мы комсомолу смена—комсомол партии смена,а мы—ему.Об'яснили по порядку, кто и что такие пионеры.

— Ага—это значит Ильич вроде как тоже пионер, только старый—матерой,—сказал в ответ бородатый дядя.

Об'яснение поняли.

Скоро разговор завязался. Приходилось отвечать на самые разные вопросы, даже об'яснять про крестьянский хлебный заем, хорошо, что ребята знали. Под конец попросили почитать газету свежую, что у нас была.

Слушали внимательно. А толпа все росла, появились девчата, бабы.

После заспорили о тракторе, о его пользе, насколько он скоро появится.

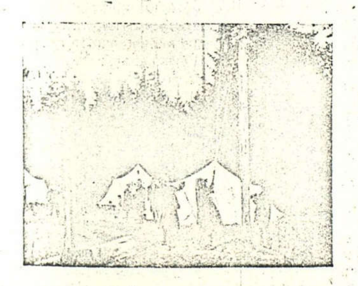
В споре мы принимали самое оживленное участие, долго бы он длился, да все время раздавались голоса: Петька! Иван! Ужнать!—Оглохли штоль?— Понемногу бревна пустели.

Тащили ужинать нас—мы благодарили и собрались уходить. Провожали нас до околицы большой гурьбой—звали в гости и вообще бывать чаще. Двое комсомольцев пошли к нам в лагерь, где мы вместе и ночевали.

На другой день мы были на сходе, добились резолюции о ремонте школы и о выписке газеты „Правда". Убрали в избе-читальне уголок безбожника, раскрасили—все как следует, А после играли с ребятами в революционные игры—им очень понравилось. Так не прошло и трех дней, как с Ивановкой мы стали друзьями.

Пионер **Николка.**

Звено „кузнецов".

Бауманского района.

Утро.

Тра-та-та, тра-та-та.

Сквозь сон слышится дробь барабана. Лениво вылезаешь из палатки. Еще не рассеялся туман. Солнце уже высоко и ласково прогревает проснувшийся лагерь. Из палаток одна за другой высовываются заспанные рожицы пионеров. Медленно, с полотенцем на плече вылезает из своей завхозни долговязый и кудрявый, как баран, наш завхоз и направляется к Волге.

Через несколько минут ребята взапуски несутся к реке. Любо смотреть на ватагу ребятишек, барахтающихся в воде. У берегов возятся малыши, которые подняли драку из-за плавательного пояса.

Опять раздается веселая дробь барабана. Это сигнал к поднятию флага. На весь лес гулко раздается „Молодая Гвардия". После этого чай. В десять минут трехведерный котел пустеет.

Звено „Костер" (Ярославль).

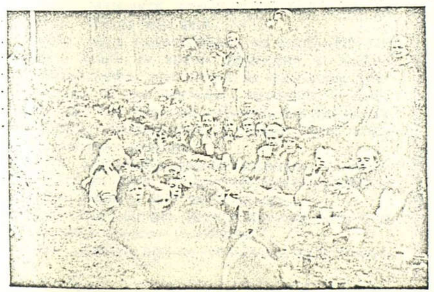
Пионерский поход.

Погода была хорошая, солнышко ярко светило и очень сильно пригревало землю. Все мы собрались в клуб к 11 час. Нас было 62 человека—со знаменами и с звеновыми флажками и с барабанами стройно вышли мы из клуба. Когда мы подошли к реке, парома еще не было, и мы сделали небольшую остановку. Когда пришел паром, мы выстроились в одну шеренгу и чинно вошли на паром. Спели три пионерских песни. Через 10 минут мы уж были на другом берегу. Когда мы приехали на тот берег, прежде чем попасть на то место, куда мы направлялись, нужно было переплыть еще небольшую реченку. У нас была одна лодка, на которой мы по 5 человек стали переезжать. Это было очень неудобно и пока мы перебрались на другой берег прошло не меньше часа. Но вот, наконец, мы у давно желанного места. Когда мы пришли туда, все раскинулись по звеньям, находясь не на далеком расстоянии друг от друга. Стали набирать хвороста для костра. У каждого звена был свой костер. Выбрали кашеваров. Наши кашевары, засучив рукава, стали чистить картошку для супа, мыть крупу и т. д.

На посту. (*Баум. район*).

Через несколько времени костры ярко запылали.

Вскоре мы устроили очень интересную игру „как красные провозят литературу через фронт белых". Когда кончили эту игру, мы выстроились по группам, расчитались для гимнастики. Проделав несколько гимнастических упражнений, мы остро почувствовали пустоту желудка. Тут раздался возглас вожатого „разойдись на обед", мы пошли к своим звеньям. Наш Сережа-кашевар никак не мог устоять против такого соблазна, как картошка, и уплел полкотелка. Мы все с аппетитом стали уплетать, что было сварено нашими кашеварами. Никогда мы так вкусно не ели, как тогда.

За чаем. (*Баум. район*).

После обеда из нашего звена отправилось несколько человек кататься на лодке. Правили лодкой из другого звена. Только мы доехали до средины реки, как наши гребцы стали бить веслами по воде, брызги полетели на нас со всех сторон. Мы все наклонили головы, подались к средине и свалились на один бок, лодка заколебалась и почти пол лодки налилось воды. Таким образом, на нас полилась сверху вода и снизу вода—сверху мальчики брызгали, снизу—вода в лодке. Вначале некоторые испугались, а потом, как посмотрели кругом, так все стали хохотать.

Мы приплыли не на тот берег, на котором расположились наши звенья, а на противоположный. Вылезли мы из лодки' с нас вода бежит, как с гусей, да и сами-то мы на мокрых куриц походили. Посмотрели друг на друга и расхохотались. Смотрим, Сережа, растопырив руки, летит в воду. Он пустился вплавь. Вылез из воды весь мокрый, с рубашки вода ручьем текла. Шура сказал, чтобы через 10 минут мы все были сухие. А мы все еще на том берегу. Пробовали переходить—глубоко. А с того берега над нами смеются. Наконец, мы на лодках благополучно прибыли обратно на берег к нашим.

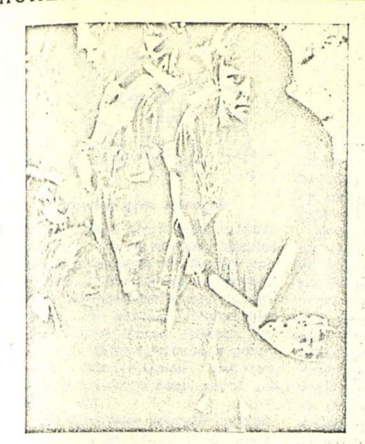
Шура созвал старших из всех звеньев, которые были на экскурсии. Каждому звену дал задание: одним нарвать вербы, другим—вырыть маленькие елочки с корнем и т. д. для клуба. Все разбрелись исполнять задание.

Когда кончили заданные Шурой работы, некоторые стали читать книги, которые принесли с собой, а остальные занялись кому чем хотелось. Шура стал рисовать некоторых пионеров, а те в свою очередь стали рисовать его. Потом стали играть в перегонки, перепрыгивать и т. д. Играли еще в две интересные игры. Потом пришло известие, что сейчас пойдет последний паром. Шура сказал нам, чтобы мы через 10 минут были готовы, остатки костров затушили и залили водой, собрали свои пожитки, выстроились в прежнем порядке и пошли к парому. Но прежде, чем попасть на паром, надо было опять переезжать реченку. Пришел паром, мы уселись и отплыли от берега. Опять спели свои пионерские песни и приехали. Когда мы приехали, Шура нас поздравил с первым выходом пионера за реку и сказал: „Пионер! В борьбе за рабочее дело будь готов! Ему разом в ответ дружное „Всегда готов!".

Сойдя с парома, мы пошли в клуб с барабаном. На пароме перевозили нас взад и вперед даром. Дойдя до клуба, мы пошли провожать 6-й отряд. До дома шли с барабаном. Пришли в клуб, поставили все на место и разошлись по домам.

Впечатление от всего осталось очень хорошее.

Нина Ганичева (Вятка).

Копают. (Бауман. район).

Путешествие на лодках.

Сидим мы и вспоминаем лагерную жизнь.—А здорово, ребята, пожили... Помните ночную игру... А праздник в деревне? А помните, как ходили на фабрику? Одним словом, хорошо пожили... Давайте, ребята, организуем поход на лодках, трехдневный.

— Ладно, ребята,—говорит вожатый Леня,—достанем лодок, с'ездим.

Прошло несколько времени. Ходят ребята с думой, где бы, у кого из знакомых лодку подцепить?

Собрались как-то мы все, жаждущие речного путешествия.

— Леня,—раздается веселый голос,—даешь! Наша мечта осуществляется, у Вольки Столярова есть лодка, только ее надо спустить на воду.

— Эх, ребята, а вы и забыли, у Геньки тоже ведь есть лодка. Он даст, чай, свой парень.

— Даешь! Уже две лодки есть.

— Эй, братва! Надо теперь день назначить. Тише, не галди, давай, назначай, только в дальний ящик не откладывайте.—Назначили день.

— Ребята, айда тащить лодку на воду.—Начали перетаскивать лодку. Во время переноски с лодкой случилась катастрофа, при спуске на воду в нее хлынула сразу вода, на дне оказалась пробоина в дюйм диаметром.—Вот так поездка.—Ничего, братва! Даешь гвоздей, дощечку, зашпаклюем, у Геньки сурик есть, он лодку шпаклевал недавно.

— Давай, доставай!—Проканителились с лодкой целый час, ища то того, то другого. Наконец, вместо 3-х часов дня отплыли в 9 часов вечера.

От'ехали очень весело, ребята дружно гребут, в лодках слышатся веселые разговоры.

— Даешь, братва, песню—только веселую, комсомольскую.

— „Вп-е-ред за-а-ре на-встречу",—понеслось, разливаясь по водам реки. Ехали весело со свежими силами, правили легко, то обгоняя, то отставая друг от друга. У деревни Березовки сделали остановку, вылезли на берег, размялись, побегали. Поехали дальше. Но постепенно ночь берет свое, в лодках разговор слышится реже, на некоторых лодках раздается храп спящих; по-временам слышен крик:

— Эй, рулевой, не дремли, куда тычешься в берег?

Правим по очереди.

Ночь. Тихо. Чуть слышен плеск весел о воду. В лодках все спят, кроме гребцов.

В 7 часов утра под'ехала первая лодка к месту назначения, за ней, некоторое время спустя, вторая и третья.

— Эй, ребята, вылезай из лодок, разминай бока.

Через 15 минут готов чай. Поели, теперь—хоть трава не расти.

— Айда, ребята, в деревню за молоком!

Спустя некоторое время все разбрелись, кто в деревню, кто в лес, часть осталась в лагере, а некоторые заснули в палатке.

Быстро прошел день, зажгли вечерний костер. Лагерь все более и более погружался в тишину ночи, только у костра остались двое дежурных...

В 7 час утра, лагерь начал просыпаться. Одна за другой выглядывают чумазые физиономии. Утром подзаправились и, уговорившись в 12 часов о возвращении, отправились на экскурсию в лес. Экскурсия прошла хорошо, к лагерю возвратились все с мешками, набитыми мхом, корой и пр. В 12 часов пообедали плотно, посадились в лодки и айда.

По дороге делали высадку, осматривали озеро „Ущерово", где ясно заметно образование торфяника.

Всю дорогу проехали хорошо. В деревнях удивляются, что за люди едут без рубашек, а главное и креста нет ни на ком.

— Вы татаре не крещенные, антихристы—ворчат с берега бабушки.

— Ничего, бабуся, мы и так живем, а бога все-таки нет.....

Домой приехали в 10 час. вечера.

Пикор Алеша.

Ярославль, ф-ка „Красный Перекоп".

Лагерная кухня. (Баумн. район).

Как нам

Место для лагеря.

Очень важно для лагеря выбрать подходящее место, которое заранее тщательно обследуется. Место должно быть сухое (лучше на пологом склоне, обращенном к югу), защищенное от ветров. Необходимо иметь близко жилье (совхоз, деревню, как базу трудовой и общественно - политической работы), хорошую питьевую воду, место для купанья, лес.

При отсутствии первого из условий ехать в лагерь не имеет никакого смысла.

Придя на место расположения лагеря, распределяют, где и как ставить палатки (если нет помещения), где поставить мачту для под'ема флага, где устроить кухню и проч.

Мачту ставят на открытом, видном месте. На земле расчищают круг диаметром в 1 метр, в центре которого врывают мачту. На этой же мачте можно устроить флюгер для наблюдения погоды.

Недалеко от мачты делается дорожка или «линейка» шириною в 1 метр, на которой выстраиваются пионеры при под'еме флага.

Палатка.

Палатки делаются обыкновенно из брезента, парусины или прорезиненной материи. Устраиваются они различным способом. На рис. 1 изображена простая палатка, имеющая спереди вид буквы А. Ее можно подвеситъ к веревке, натянутой горизонтально между двумя деревьями, или же накинуть на горизонтальный шест, положенный на две вертикальные стойки с развилками на концах.

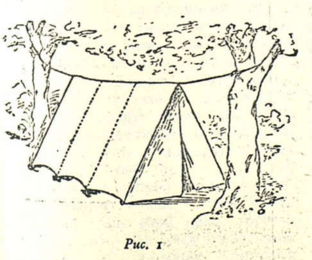

Рис. 1

Средняя часть ее, имеющая форму треугольника, выкраивается или из одного цельного куска (если у вас есть достаточно широкая для этого материя) или же из отдельных узких полос, сшитых вместе, как показано на рис. 2. К обеим более длинным сторонам этой прямоугольной полосы пришиваются два треугольной формы куска, по краям которых в свою очередь пришиваются тесемки и петли. Этими тесемками связываются между собой обе половинки дверец палатки. Нижний край палатки прикрепляется к земле с помощью маленьких колышков, которые вбиваются в землю наклонно (см. рис. 3, где справа изображен правильно вбитый колышек, а слева—неправильно).

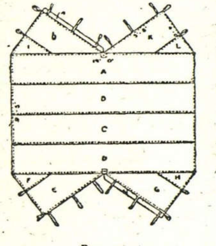

Рис. 2.

Палатка натягивается веревками, которые привязываются к полотнищам посредством колец. Кольца крепко пришиваются к полотнищам.

Расставив палатку, выкопайте вокруг нее снаружи канавку. Тогда дождевая вода, стекая с крыши палатки, будет попадать в эту канавку, а не потечет под стенки, внутрь.

Пионер находчив и всегда найдет выход из затруднительного положения, а потому устраивается в лагере с «удобствами».

Если нет полотнищ для палатки, так сделает шалаш из жердей и вереска, травы или землянку. Нет веревок — заменит их ползучими растениями, тонкими прутьями ивы, скрученными для прочности. Из коры березы сделает коробку для соли, мыла и др. вещи. Растрепанный конец ветки заменит зубную щетку. Походный подсвечник сделает из расщепленной ветки, а фонарь из бутылки с отбитым дном.

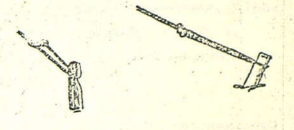

Рис. 3.

Кухня и погреб.

Для лагерной кухни (если ее нельзя устроить из камня или использовать имеющуюся старую кухню) вырывается яма размером в $1^1/_2$ куб. метра со ступеньками. В стенке ямы делается топка, дымоход и устанавливается котел для варки пищи, как это показано на рис. 6. Над всей кухней делается навес от дождя из парусины или хвороста.

На рис. 4 изображен разрез кухни: цифрой 1 отмечено помещение перед топкой, 2—топка, 3—котел, 4—дымоход, 5—труба, 6—лестница.

Для хранения продуктов устраивается погреб (рис. 5). Он представляет собою также яму со ступеньками, приблизительно таких-же размеров, как и кухня. Сверху прикрывается хворостом.

На рис. 5 цифрой 1—отмечен вход, 2—лестница, 3—крыша, 4—подстилка из соломы на дне погреба.

Постель.

Постель с «пружинным матрацем» делается из еловых ветвей. Для этого ветки густо втыкаются в землю, так, чтобы они образовали как бы щетку, покрывать их чем-либо, и постель готова.

Другой способ устроить себе «кровать» состоит в следующем:

строить лагерь.

срежьте четыре жерди, две длиной футов в шесть, а две в три фута, и положите их на землю, чтобы их углы образовали кресты. Затем вбейте в углы колышки, чтобы шесты не сдвигались с места. На эту раму положите еловые или сосновые ветки, чтобы они находили друг на друга, как черепица на крыше (крайние должны быть подложены под жерди).

Удобное ложе можно сделать из травы, соломы или папоротника, положенных толстым слоем на землю. Спать на голой земле надо избегать, особенно после сырой погоды.

Можно также сплести себе тюфяк из папоротника, вереска, соломы или травы при помощи лагерного ткацкого станка. Вбейте в землю в ряд пять кольев длиною в 2 фута, против этого ряда на расстоянии 6—7 футов вбейте другой такой же ряд или же два кола с поперечной перекладиной. Укрепите по бечевке к верхушке каждого

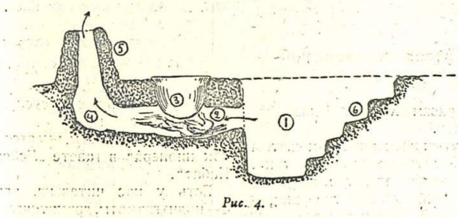

Рис. 4.

кола в ряду № 1 и протяните бечевки к соответствующим колам в ряду № 2 и там укрепите. Отсюда концы бечевок, в футов 5, укрепите к свободному бруску или «ходуну», точно на таком же расстоянии, как они укреплены на кольях. Размахивая этим «ходуном» вверх и вниз, закладывают попеременно, то сверху, то снизу, растянутые бечевки, солому, траву, мох. Подкладываемый материал затягивается, таким образом, между двумя рядами бечевок (рис. 6).

Еще один секрет удобного ночлега состоит в том, чтобы иметь подушку. Для этой цели хорошо всегда иметь при себе небольшой парусиновый мешочек, который днем служит в качестве провиантной сумки или мешка для всякой всячины, а ночью наполняется травой, листьями и образует, таким образом, отличную подушку.

За неимением ничего другого, немного дерна, подложенного под головной конец куска вашего бре-

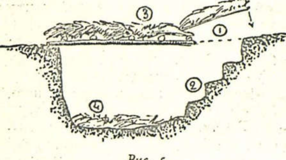

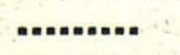
Рис. 5.

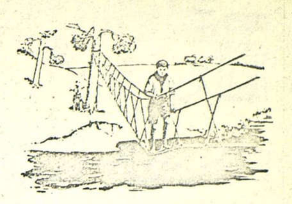
зента, служащего подстилкой, образует недурную подушку.

В случае, если есть помещение, хотя бы и немного неисправное, нужно использовать его: соорудить койки и оставить палатку только для дежурного звена.

Вообще лучше пользоваться уже тем, что есть, и его удобнее приспособлять, чем тратить силы на постройку совершенно нового и притом не такого удобного.

Лучше все свободное время использовать на общественную и трудовую работу в деревне, в совхозе и среди крестьянских ребят, ребят ближайших фабрик и взрослых крестьян.

Расписание лагерного дня.

7 час. утра—перекличка, уборка.

7½ ч. утра—под'ем флага.

7½—8 ч. утра—гимнастика, купание.

8—8½ ч. утра—чай.

9½ ч. утра—распределение между звеньями работ и приготовление к ним.

9—12 ч. дня—трудовая или общественная работа отрядом и отдельными звеньями (огород, сад, работа в крестьянском хозяйстве).

12 ч. дня—купание.

12½—3 ч. дня—обед и отдых.

3—6 ч. вечера-исследовательская работа звеньев, общественная работа, или трудовая (работа с крестьянскими ребятами, обследования совхозов, деревни, фабрики и т. д.).

6—6½ ч. веч.—чай.

6½—8 ч. веч.—игры, самостоятельные занятия ребят, лагерные советы и т. д.

8—8½ ч. веч.—ужин и приготовление ко сну.

9½—10 ч. веч.—беседа у костра, назначение дежурных, спуск флага и сон.

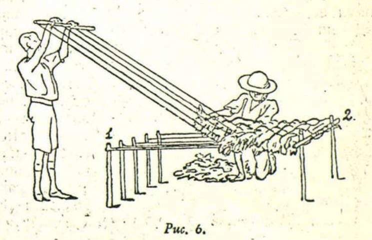
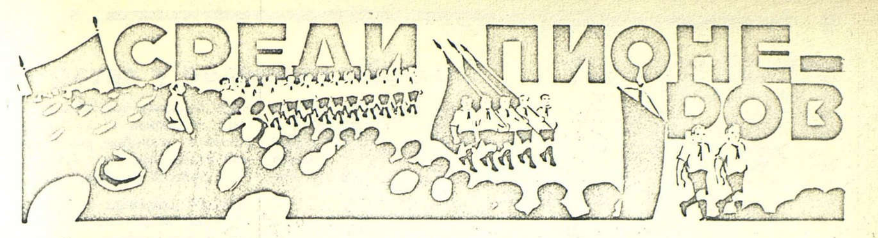

Рис. 6.

Яйца курицу... учат.

Какая ты, мама, беспонятная — я же тебе говорю, что пионеры самый передовой народ — а ты меня не пускаешь, пойдем вместе в клуб — увидишь ноньче, какие они есть — сама скажешь „ступай, лентяй, скорее записывайся“.

— Ладно те балясы-то у меня точить.

— Да чего ладно-то — ты пойдешь.

— Отстань, говорят.

— Ну что ты, мать право, чай сын он тебе — сходи, — поддержал отец.

Клуб в заводе хороший. Сцена большая и декорации всякие. Свет в зале потушили. Стало тихо — только слышно, как полтысячи людей дышат. Митька рядом с матерью — на первой лавочке.

— Занавес распахнулся. На сцену ребята вышли — как один, в костюмах — и держатся так лихо.

Комсомольский секретарь докладывал о пионерах, как что и почему, и как в заводе организовались.

— Когда присягали ребята — хором клялись по ильичевым заветам итти - глаза у них так и горели.

Позавидовал Митька, почему не с ними. Эх, все мать.

Она тоже во все глаза глядела. У многих слезы были на глазах, профсоюзный секретарь — Петр Никитич растрогался — наштo суровый — когда особенно Комсомол знамя подносил.

Дальше пьеска шла. Очень хорошо — как взаправду. Сперва матери ребят своих в пионеры не пускали, попы их дурачили — потом раскрылось все это и матери поняли и пошло все по хорошему.

Домой шли потемну. Суровилась мать, досадно было ее гордости материнской, что сын с ребятами в честь не попал. Сама виновата — потому суровилась.

— Мам, а, мам, пойду я к ним что хошь делай пойду?!

— Давно пора — што раньше-то баклуши бил.

— Да ведь ты са...

Чего сама — лодырь ты, вот што. Значит можно.

— А кто же тебе запрещает-то — чего пристал.

И. Б.

Ребята! Пишите, что вы делаете в своей семье, как относятся ваши родители к тому, что вы находитесь в пионерской организации? В чем заключается ваше участие в воспитании ваших младших братьев и сестер?

Редакция.

Конференция пионеров.

(2-го мая).

К 7 часам Колонный зал был переполнен.

В залитых электрическим светом рядах пестрят красные галстуки. Среди молодых делегатов, приехавших со всей Московской губернии, — беспрерывный смех и веселье.

Группа пионеров затягивает песню... Вмиг подхватывают все и тысяча бодрых голосов полилась по залу.

— Ой, да ребята.

— Ой, да комсомольцы.

Через минуту на сцене появляется секретарь Московского бюро пионеров и об'являет конференцию открытой.

Первой с приветственным словом от М. К. партии выступила седая пионерка — тов. Воскресенская.

— Пусть громко гремит ваш барабан, с которым вы шагаете вперед и пробиваете себе дорогу...

После ряда приветствий начались доклады: „Кто такие пионеры“, „О 1-м мае“ и др.

После всех докладов тов. Ярославский поделился своими воспоминаниями о праздновании первого мая в царском подполье.

С большим интересом пионеры слушали старого закаленного революционера...

По окончании доклада тов. Яроского избирают почетным пионером.

Ярославского окружает группа пионеров и одевает ему красный галстук и пионерский значек.

— Клянусь исполнять все пионерские правила, — говорит Ярославский, — и с великой честью буду носить имя юного пионера...

После конференции для пионеров был устроен концерт.

Поздно ночью по улицам Москвы во все стороны тянулись, бодро шагая под такт барабана, стройные колонны юных ленинцев.

Готовимся к лагерям.

У нас в Пскове 6 отрядов. Всего есть пионеров 500.

Недавно пыпущена стенная гасета „Будь готов“.

Кроме этой газеты, имеется „Уголок пионера“ в газете „Псковский Набат“.

Есть у нас читальня, кружки: 4 — политграмоты, драматический и переплетный.

Готовимся к предстоящим лагерям.

Занимаемся спортом.

Пионеры **Гаврилов** и **Черносов.**

Псков.

У тульских ребят.

— Все пионеры Чулкова решили принять шефство над Веневским уездом, потому что этот уезд крестьянский и в нем нет воспитательной работы среди детей.

В Веневском уезде один только отряд, да и то в нем занимаются только гимнастикой.

Пионер **Вася.**

Тула.

В гостях у редакции „Пионера".

Недавно в Москву приехала группа ярославских и псковских пионеров, которая побывала в нашей редакции. Вот, что рассказали нам ярославские ребята о Москве.

О московских пионерах. Московская организация пионеров лучше обеспечена ярославской в материальном отношении. Кроме того, московские комсомольцы больше ярославских уделяют внимания пионерам вообще, больше связаны друг с другом, чем у нас. Больше всего понравились у московских ребят их мастерские. У нас этих мастерских почти нет.

Шагая по Москве. Мы были в Третьяковской галлерее. Лучше всех понравились нам картины: как Иоанн Грозный убивает своего сына. Понравилась потому, что выраженье лиц, а также кровь, как в жизни; очень понравилась также картина «Утро стрелецкой казни». Слушали, как часы играли Интернационал. Очень понравилось.

Были в ГУМ'е (Государственный Универсальный Магазин). Удивительная дешевка. Хотели купить батарею для электрического фонаря. Всего лишь 50 коп.

В Реввоенсовете. Нам сказали, что на Арбатской площади можно получить пропуск к тов. Троцкому. Мы и пошли туда. Оказывается, там Реввоенсовет помещается. Пред'явили свои документы.

— Зачем вам к тов. Троцкому?— спрашивают нас.

— Повидать его хотим.

Выдали нам пропуск. Повели в одну комнату, где и предложили ждать, пока тов. Троцкий позовет. Сидим и ждем: вот, вот позовут. Ждем не дождемся, но вот нам об'являют, что т. Троцкий должен куда-то ехать и нас сейчас принять не с'умеет. Ничего не поделаешь. У т. Троцкого более важные дела, чем нами заниматься.

Решили оставить письмо. Написали т. Троцкому, как мы его ждали в Ярославле еще в прошлом году на юбилей 18-ой дивизии, о положении ярославской организации пионеров, о том, что наша фабрика „Красный Перекоп" приняла шефство над 52-м полком и что в нашем отряде есть уголок Красной армии. К письму приложили нашу фотографическую карточку.

А сильно хотелось видеть тов. Троцкого.

Ответ тов. Троцкого ярославским пионерам.

ЯРОСЛАВЛЬ, фабрика "КРАСНЫЙ ПЕРЕКОП"

ОРГАНИЗАЦИИ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ.

Дорогие друзья.

Спасибо за привет и за фотографию. Фотография удачна, но кое-кто шевелился, за что и наказан расплывчатым пятном вместо лица.

С товарищеским приветом

Л. Троцкий

26 апреля 1924 г.

№ 52/3236.

На что жалуются ребята.

Неужели три года?

Все хорошо в нашем пионерском отряде при станции Евстратовка (Воронежской губ.), но вот плохо, что нам до сих пор еще не дали пионерские значки и косынки.

Вначале обещали выдать 9-го января, затем 8-го марта,—в международный день работницы, но и в этот день мы находились без косынок и без значков. Наконец, нам твердо обещали выдать все это 18 марта в день Парижской Коммуны, но и в этот день не выдали.

Мы думали, что в этом виноват наш руководитель Ревенков и нападали на него, но потом выяснили, что он не виноват, что он много старался достать нам косынки, но напрасно.

Между тем Воронеж, где находится губбюро, ничего не делает и спит.

Неужели три года придется ждать обещанных значков и косынок?

Пионер **Ив. Конченко.**

Нет даже скамеек.

Материальное положение нашего отряда плохое. Клуб не оборудован, нет даже скамеек. Руководитель не оплачивается, благодаря чему не может наладиться работа. ОНО (отдел народного образования) и другие организации никакой помощи не оказывают. Необходимо бюро пионеров позаботиться об улучшении материального положения отряда пионеров.

Пионер **Бутерброт.**

Пятигорск, Терск. губ.

Шеф спит.

Недавно макаронная фабрика взяла шефство над нашим отрядом. Первым долгом наши ребята поспешили ознакомить детей рабочих с жизнью и уставами юных пионеров, для чего устроили им вечер. Но прежде чем он был устроен, один из пионеров, пришедший к заведующему фабрики, сказал ему, что пионеры очень желают устроить вечер своему шефу, для чего просят назначить день.

— „То-есть, для какого же шефа вы хотите устроить нам вечер?" совсем неожиданно для пионеров спросил заведующий, узнав лишь впоследствии, что рабочие их фабрики являются шефом нашего пионерского отряда.

Нет, шеф, это не дело! Полно спать! Ведь ребята ждут твоей поддержки. Так помоги же нам!!!

Александр Журавлев.

Пионер 7-го Сок. отряда.

В нашей школе.

Из жизни школы А. А. Луначарской.

Наша школа находится в Москве, на Хлебном и Ржевском переулках:

1-я ступень учится на Ржевском, а 2-я—на Хлебном.

Я в первой ступени. У нас учатся дети из детских домов Луначарской и приходящие. К нам каждую пятницу приходят из ОПУ[1]), из дальних и местных школ посетители, потому что наша школа—опытно-показательная.

У нас есть самоуправление: два члена в классkоме, два в санкомиссии, два в хозкомиссии и два в библиотечкомиссии. Есть еще трое дежурных: по классу, по вешалке и по накрыванию на стол для завтрака. Классkом смотрит за порядком в школе, ведет собрания, смотрит за работой комиссий и за дежурными; классkом отмечает отсутствующих и опоздавших. Класкомы всех групп об'единяются в какой-нибудь день и обсуждают вопросы; каждый класском делает доклад о своей группе.

Санкомиссия следит за дежурными и за опрятностью, следит за тем, чтобы мыли руки перед завтраком; кто не слушает санкомиссию, того она записывает в особую тетрадку и в конце месяца делает доклад о своей работе. Один раз я пришла в кофте, которая сшита без пояса, а санкомиссия подумала, что я забыла пояс и хотела записать. Один раз дежурный после уроков не убрал класс, и санкомиссия заставила его дежурить второй раз.

Хозкомиссия следит за порядком учебных пособий, принимает из канцелярии и ведет записи о выдаче и приеме детям.

Самое интересное, что мы учили в этом году, это тема: домашние животные. Мы выбрали из всех животных корову и ходили смотреть корову в наш 5-й детский дом; там живут самые младшие дети—первая и нолевая группы, для них есть своя корова. Мы расспрашивали обо всей ее жизни и записывали. Придя в класс, мы все разобрали и составили коллективное сочинение и записали его.

Когда мы покончили с коровой, то нам задали: выбрать какое-нибудь домашнее животное, разузнать его жизнь и записать в виде сочинения. Я выбрала лошадь и, чтобы узнать ее жизнь, сначала записала на бумажке все вопросы, которые касаются жизни лошади, для того, чтобы расспросить извозчика. Но потом я побоялась остановить извозчика на улице и пошла в нашу хозчасть на Арбате, там расспросила возчика и написала сочинение.

А по арифметике мы в классе написали все виды корма коровы и лошади и все молочные продукты, и было задано узнать на корм и продукты цены, я ходила узнавать в Госсельсиндикат. Надо было пойти, когда нет очереди, а то кассирша не могла бы сказать мне цены. Я выбрала время и пошла и записала все цены, кроме сыра, потому что сыров было очень много сортов. На другой день я в школе прочла узнанные цены и мы составили задачи.

У нас бывают часто вечера на политические темы, из них особенно интересные: вечер Октябрьской революции, вечер памяти Ленина и 1-е мая.

После каждого триместра устраиваются зачетные выставки.

У нас была устроена молочная лавка; я взяла у мамы наш молочный бидон. По немецкому языку мы поставили маленькую пьеску. Действие происходило в этой же молочной лавке; немецкая мать и с ней много детей пришли покупать на немецком языке продукты.

Наша заведующая школой осталась нами очень довольна. Только одним она была недовольна: что мы выходим отвечать, когда спросят, невеселые. Я тоже отвечала невеселая. Это потому, что про что мне хотелось, чтоб меня спросили, меня не спросили, а про что я не хотела—про то спросили. Я хотела про политические организации, а меня спросили про отопление дома.

В нашей школе еще нет пионерской организации, но мы очень хотим стать пионерами.

Девочка из 2-й группы I ст.

[1]) Опытно-показат. учреждения (Наркомпроса).

Некогда быть пионером.

Как-то раз, проходя мимо церковной площади, я увидел, как отряд пионеров играл в „гонки". Я очень заинтересовался юными пионерами и подошел поближе, чтобы посмотреть.

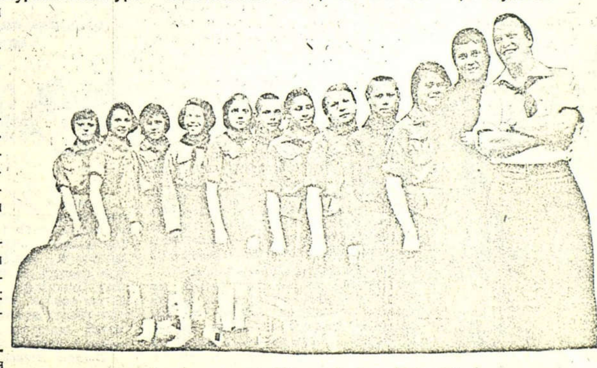
Мне так захотелось сейчас же пойти записаться в пионеры! Но я учился. И пока я учился, я был занят. Как только наступят летние каникулы я обязательно запишусь! Желание мое скоро сбудется.

В. Тарасов.
Армавир, Куб. обл.

От редакции:

Тов. Тарасов пишет, что ему сильно хочется вступить в пионерскую организацию, но так как он учится, то ему некогда быть пионером.

Ребята, правильно ли поступает Тарасов? Редакция предлагает самим пионерам написать ответ (через журнал) тов. Тарасову.

Звено пионеров при Московской школе физкультуры.

Что надо знать пионеру.

Ориентировка на местности.

Планы и карты. Они чертятся в определенном масштабе. Масштабом называется отношение длины линии, нанесенной на плане, к длине соответствующей линии на местности. Длина линий для нанесения их на план уменьшается в определенное число раз: например, один дюйм на плане соответствует 10 саж. на местности (масштаб 10 саж. в дюйме). Так, если по такому плану надо определить расстояние между двумя пунктами, то для этого измеряют это расстояние по плану в дюймах. Положим, оно равняется 50 дюймам; помножив 5 на 10, получим действительное расстояние, равное 50 саж.

По планам ориентируются по линиям, изображающим дороги, реки, овраги. Направление этих линий должно совпадать с направлением предметов, изображенных этими линиями, помня, что все условные знаки чертятся на север, надписи пишутся с запада на восток.

По компасу — направление магнитной стрелки должно совпадать с линией „NS" (С. Ю.). Вороненый конец стрелки должен указывать на „N", находясь над этой буквой.

Движение по компасу: следует держать компас линией, обозначающей часть света, по направлению которой нужно итти прямо перед собой и самому поворачиваться (*не изменяя положения компаса*), пока вороненый конец стрелки не станет над буквой „N", продолжить мысленно линию, обозначающую часть света, куда надо итти, и заметить на этом продолжении какой-нибудь ясно видимый предмет, на который и двигаться: дойдя до него, повторить тот же прием снова.

По звездам.—Если через две правых звезды созвездия Большой Медведицы мысленно провести линию и на этой линии отложить расстояние приблизительно в 5 раз большее, чем расстояние между означенными звездами, то эта линия пройдет через яркую Полярную звезду, находящуюся в хвосте Малой Медведицы; эта звезда и укажет на север.

По Млечному Пути, который тянется с севера на юг. В южной части он разветвляется и потому шире, чем в северной.

По местным предметам — алтари церквей всегда обращены на восток, могилы православных с запада на восток, и к'ест поставлен на восточной стороне могилы; мох растет преимущественно на северной стороне деревьев, столбов, камней и скал; если срезать молодое дерево, то кольца древесины будут реже на южной стороне; на отдельно стоящих деревьях ветви и листья будут гуще на южной стороне, чем на северной.

По карманным часам в солнечный день. Если бы циферблат часов был разделен на 24 часа, то солнце, описывая в течение суток круг, в точности следовало бы за движением часовой стрелки, если бы цифру 24 поставили бы точно на юг.

Установив же часовую стрелку на солнце в любой момент дня, мы обратно, против 24 час. (где у нас стоит 12 час.) всегда бы имели юг. Но наш циферблат делится на 12 частей и часовая стрелка обходит его в сутки 2 раза, в то время как солнце совершает всего один круг, т.-е. идет вдвое медленнее стрелки. Поэтому мы, чтобы определить направление юга, устанавливаем против солнца не прямо направление часовой стрелки, а направление линии, делящей пополам угол между часовой стрелкой и цифрой 12.

Тогда всегда по направлению цифры 12 мы будем иметь юг, по направлению цифры 6—север, 3—запад, 9—восток. Или же можно направлять часовую стрелку на солнце, и тогда линия, делящая угол между стрелкой и цифрой 12, укажет направление на юг.

Выходя из лагеря, замечай по компасу направление, по которому вышел, а также, в каком направлении дует ветер. В пути обращай внимание на выдающиеся предметы, замечай необычайные деревья; строения, мосты и т. д. все, что может оказаться полезным при отыскании обратного пути или на тот случай, если надо растолковать путь другому.

Снаряжение на каждого пионера.

Вещевой мешок. Смена белья, полотенце, постель (мешок для матраца, мешок для подушки, простыню. одеяло). Кружка, ложка, перочинный нож. Мыло, зубная щетка, порошок. Иголка, нитки, пуговицы. Записная книжка с карандашом. Фляжка.

Снаряжение на звено.

1 топор,
2 лопаты саперных,
30 метров веревки (1/2 дюйма),
3—4 котелка,
1 свисток для сигналов,
1 коробку спичек или зажигалку.
1 палатку (6 полотнищ или целую).

Определение расстояний.

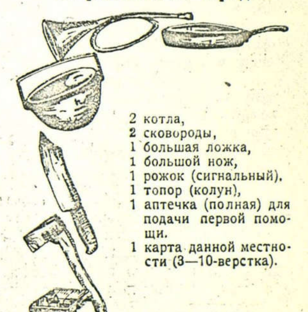
Каждый пионер должен уметь определять приблизительно, на-глаз расстояния между предметами и их размеры. Сразу это не дается. Надо долго упражняться в определении расстояний, проверять более или менее точным способом свои ошибки, чтобы добиться успеха. Пионер должен научиться сразу на-глаз определять, напр., расстояние до леса, который виден на две версты, ширину реки, глубину оврага, высоту дерева или дома, расстояние до леса, видимого полотна железной дороги и пр. Прикинь на глаз, а потом измеряй. Проверь себя: насколько верен у тебя глаз.

При определении расстояния необходимо иметь в виду следующее:

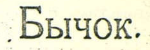
1) На расстоянии:

50 шагов можно ясно различить глаза
100 шагов глаза кажутся точками.
200 шагов видны пуговицы и различаются подробности одежды.
300 шагов обрисовывается лицо человека.
500 шагов различаются цветные части одежды.
700 шагов видно движение ног.
2-х верст видны отдельные деревья.
3-х верст видны трубы на домах.
6 верст видны отдельные строения.
10 верст видны ветряные мельницы.
От 15 до 20 верст видны купола больших церквей и высокие здания.

Снаряжение на отряд.

2 котла,
2 сковороды,
1 большая ложка,
1 большой нож,
1 рожок (сигнальный),
1 топор (колун),
1 аптечка (полная) для подачи первой помощи.
1 карта данной местности (3—10-верстка).

Алешка Бычок.

Алешка Бычок неслышной тенью следит за гражданином. А тот ходит по тротуару взад-вперед, напевает. Из бокового кармана торчит круглый сверток, и гражданин забыл о нем.

— Удобно, вытяну и за угол, а в нем что-нибудь да есть, на хлеб все хватит. Чего надо этому пионеру, повязочник красный. Смущал Алешку Бычка пионер, который остановился на тротуаре, сел на тумбочку и за Бычком наблюдал.

— Скоро ты уйдешь, не видал, не знаешь, что крадут. Сидит...

Под взглядом пионера Бычок не решался украсть.

— Увидит, закричит, не смолчит ведь и поймает...

Гражданин все ходит. Пошел Бычок покончить с пионером.

— Ты чего это за мной смотришь?

— За тобой...

— Делать нечего тебе и сыт ты, до вечера можешь сидеть и пялить глаза, по-моему (со вчерашнего кишки в брюхе между собой грызутся) не усидел бы.

— Ты за гражданином за этим следишь.

— За ним, за карманом, украсть думаю и украл бы, если бы не ты, мешаешь жить, из-за тебя голоден буду, когда-то дождешь удобный случай.

— Стяни, я смолчу...

— Нет! при тебе не стану, не смогу, знаю, что глаз чей-то видит и не смогу.

— А вовсе воровать бросил бы?

— Он думает, мне мило воровать. По вокзальному положению ворую. Хожу вот — тряхнул одеженкой-барахлом — сплю на ней, вот на этих камнях родных и во сне перестал видеть и ворую; по положенью больше ничего не остается делать, понял? ничего больше. По честному жить для меня — это все равно стена гладкая, не захватишь, ни одной дырки, ни гвоздя, чтобы ухватиться, по честному не сумеешь, все места заняты, одно воровство осталось. Хочешь не хочешь, по положенью воруешь...

— Идем со мной, если воровать не хочешь и серьезно по честному жить...

— Айда, я готов, только примешь ли, меня уж не раз брали, водили. Походят, походят по городу, покормят, а там.— Придется на улицу, мальчик, взять никакой возможности... и ты тоже, храбер, а дальше МОНО, чай, не уведешь, сам там бывал, очередь до меня не дошла...

— Увидишь там куда; рассказывай, кто ты, откуда, все про свою жизнь!

Рассказал Бычок свою простую историю.

— В деревне после голоду изба пустая и окна выдуло, одним словом, жить нечем, беги в Москву, а здесь.. видел сегодня.

Неделю пришлось ждать Бычку, как собралось все пионерское звено, и перед ним он подробней рассказал свою жизнь...

Звено постановило ходатайствовать перед заводской ячейкой об Алешке Бычке.

Зима порошила уже не первым снегом, Алешка Бычок вместе с товарищами по детдому скользил на лыжах по Сокольникам. Он в детдоме, заводская ячейка дает средства на его содержание. Бычок не крадет, готовится быть пионером и часто ходит в звено, которое устроило его в детдом.

— Куда ты, Бычок?—спрашивают ребята.

— К своему шефу, у них сегодня сбор; скоро сам пионером буду.

А. К.

Пионерский отряд беспризорников.

В марте 1923 года в гор. Вятке организовался первый вольный отряд юных пионеров. В этот отряд попали все беспризорники. Тут были и чистильщики сапог, и папиросники, вообще — весь заброшенный элемент и больше всего—дети рабочих. Ну, конечно, все знают, что из себя представляли ребята, которые пришли с улицы. Но за год работы отряд возмужал. В его рядах насчитывается 60 пионеров, которые к борьбе за рабочее дело „всегда готовы". И вот 25 марта они справляли, как день выздоровления от уличной проказы. Вечером начали стекаться родители пионеров, гости-пионеры из других отрядов и представители других организаций. Около 8 часов вечера открылось торжественное заседание при участии родителей и представителей от Красной армии, РКП, РКСМ и профсоюзов. Первое слово предоставлено секретарю Губкома РКП — тов. Марковичу.

Тов. Маркович говорит, что вольный отряд за год работы сделал работу большую, но и еще много нужно сделать, чтобы под вашим знаменем было не 60, а 500 пионеров.

После приветствия от РКП зачитываются приветствия от Губкома РКСМ. В своем приветствии Губком говорит, что первый отряд оправдывает надежды Комсомола. Еще приветствовали от крупных ячеек РКСМ и от культурного шефа — газеты „Вятская Правда". Было также приветствие от родителей.

После приветствий идут доклады по звеньям.

После докладов по звеньям — был общий доклад.

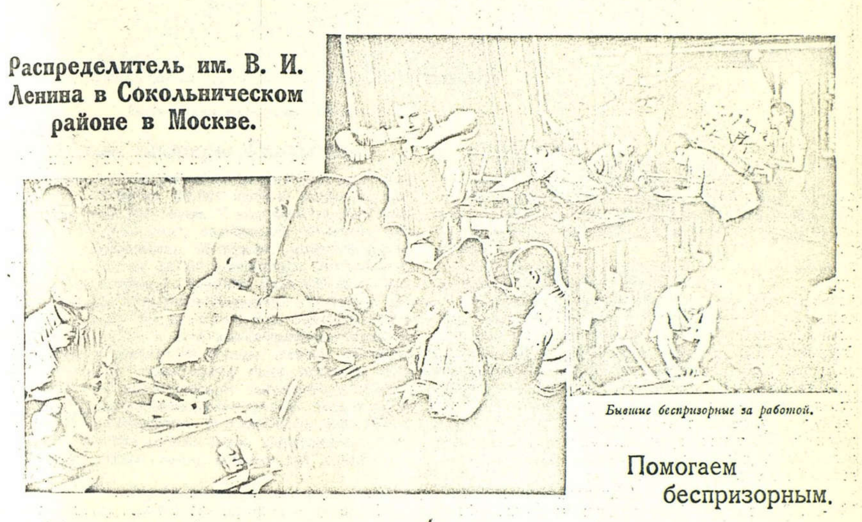
Окончилось торжественное заседание пением «Интернационала».

После окончания торжественного заседания тридцать новых пионеров давали торжественные обещания, после чего получили значки и галстуки.

После всего был поставлен концерт силами пионеров 1-го отряда „Факел".

Пионер 1-го отряда Вятской губернии юж. звена „Наковальня" **Евгений Попов.**

Распределитель им. В. И. Ленина в Сокольническом районе в Москве.

Бывшие беспризорные за работой.

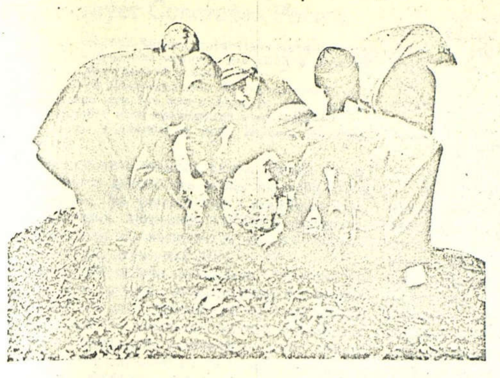
Помогаем беспризорным.

Полтавские юные ленинцы принимают участие во всех кампаниях, направленных на ликвидацию беспризорности детей. Для того, чтобы работа эта проходила более организованно, полтавские ребята выбрали специальную комиссию, которая и руководит всей работой юных ленинцев по оказанию помощи беспризорным товарищам. Каждый отряд устраивает вечера и спектакли в пользу беспризорных.

Кроме этого, ребята непосредственно участвуют в работе комиссии при губисполкоме. Так, например, при от'езде беспризорных детей из Полтавской губернии они помогают заполнению от'ездных карточек, что ускоряет отправку беспризорных детей. Они также взяли на себя распространение открыток и марок в пользу беспризорных.

В настоящее время полтавские ребята вместе с комиссией при губисполкоме организуют большую лотерею в пользу беспризорных

Юный ленинец.

Немецкие дети ищут пищу в отбросах.

Там, где нет Советской власти.

Юные пионеры Германии.

Германские детские коммунистические группы насчитывают от 30 до 40.000 членов, разбитых приблизительно на 500 групп. У них имеется свой журнал—„Юный Товарищ“, издаваемый Коммунистическим Интернационалом Молодежи, который расходится в количестве 30.000 экземпляров. Детские коммунистические группы Германии были всегда чрезвычайно активны. Особенно энергично проводили они всегда „борьбу за школу“, т.-е. борьбу с учителями монархистами и остальными приемами обучения. Очень многие учителя из породы „героев линейки“, „рыцарей розги“ принуждены были оставить свою плодотворную педагогическую деятельность, потому что детские коммунистические группы вывели их на свежую воду. Германские детские коммунистические группы точно так же принимали живейшее участие в организации сбора пожертвований для голодающих детей в России.

Часто очень трудные задачи давались детям лет 12—15. Группа каждой данной школы должна была поставить свою работу так, чтобы в случае об'явления всеобщей забастовки, школа поддержала ее школьной забастовкой. Подготовительная работа должна была вестись совместно с коммунистическими школьными родительскими советами.

Дети образовывали так называемые пионерские группы, связанные с партией и КИМ'ом, от которых они и получали задания. На плечи этих групп легла самая ответственная и тяжелая работа. Каждая такая пионерская группа состояла из 5 членов, один из которых считался ответственным руководителем группы. Этим пионерским группам давались точные практические указания на всевозможные случаи, чтобы никогда и ничто не могло поставить детей в тупик (работа курьеров, работа разведчиков, что делать в случае ареста и пр., и пр.).

Хлеба!

Из живни немецких детей.

Пионерские группы руководствовались следующей „Памяткой пионера“:

Пионер, помни:

1. Богатые—всегда враги трудящихся, потому что они живут работой бедняков и угнетают их.
2. Революционер—это борец за свободу трудящихся: поэтому богатые выставляют против него полицию, солдат, судебных чиновников, провокаторов и шпионов.
3. Вооруженные полицейские и солдаты хватают революционеров и расстреливают их.
4. Судебные чиновники и провокаторы запутывают рабочего и стараются заманить его в ловушку, чтобы иметь право посадить его в тюрьму и убить.

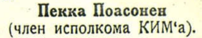
Для более детального раз'яснения „Памятки“ был составлен целый ряд вопросов и ответов. Например так. Вопрос: „Как может защитить себя пионер от судебных чиновников и провокаторов“. Ответ:—Пионер должен молчать и быть внимательным. Никому чужому, спрашивающему его, он не должен дать ни малейшего намека, что знает что-нибудь о детских группах.

Кроме этой памятки, пионерские группы руководствовались еще целым рядом „законов“, в кратких и образных выражениях рисующих свойства настоящих пионеров. Эти „законы пионера“ таковы:

1. С чужим пионер молчит как рыба.
2. С врагами пионер хитер как лисица.
3. В борьбе пионер увертлив как ласка.
4. Рабочим пионер товарищ, детям—друг, но притеснителям всегда—враг.
5. Мужество и ловкость, смелость и выносливость—таковы свойства пионера. Никогда не предаст он друзей, в какой бы опасности ни находился. Всегда и везде он постоит за товарищей и поможет им в каждой беде.

Все эти факты, приведенные нами, указывают ясно, насколько детские коммунистические группы Германии приспособили свою деятельность и организацию к условиям переживаемого момента.

Пекка Поасонен
(член исполкома КИМ'а).

„Да здравствует Советская Россия".

В Лондоне, столице Англии, происходит конференция, которая обсуждает вопрос об установлении взаимоотношений между Советской Республикой и Англией.

Член Советской Делегации тов. Преображенский, описывая празднование дня 1-го мая в Лондоне, рассказывает также и об участии в этом празднестве детей рабочих.

Вот что видел в Лондоне в день Первого Мая тов. Преображенский:

„Дети направились на набережную Темзы, место, где группировались демонстранты. Мы проехали почти половину Лондона. На улицах, как и следовало ожидать, ни малейших признаков рабочего праздника. Как всегда открыты все магазины, в затылок тянутся солидные автобусы. День—как день.

На набережной начали попадаться отдельные фигуры и маленькие группы с красненькими бантиками. Дальше—потянулся ряд повозок, на которых сидели дети в сопровождении отдельных взрослых; одни махали красными бумажными флажками, другие держали на веревочках воздушные колбасы красного цвета. Около одной из телег нас узнали, очевидно, благодаря сибирской шапке Хадыр-Алиева, и начали кричать: „Да здравствует Советская Россия!" Мы, во избежание того,чтобы от этого детского приветствия не пострадали англо-советские отношения, постарались поскорее подойти к своему наблюдательному пункту. На одной из улиц, где проходила процессия, мы имели возможность наблюдать все шествие.

Вдоль и поперек шествующих — прослойки полисменов, примерно, по одному на каждые 10 человек демонстрантов. Получается впечатление демонстрации в очень надежном полицейском футляре. С улицы мы поехали на автомобиле в Гайд-Парк, где мимо нас прошла снова вся демонстрация. Нас опять узнали, думаю, что все из-за той же шапки, и снова начали кричать приветствия Советской России, особенно школьники со своих повозок. Больше всего Советскую Россию приветствовали эти молодые побеги коммунистической травы на английской земле.

Кстати, об этих повозках. Это повозки для перевозки мусора, которые предоставили для детей на 1-е мая рабочие районы города. Я подумал, у нас в Москве в этот день все театры, кино, трамваи, все улицы отданы рабочим, автомобили детям. Здесь пока детей рабочих возят на повозках для мусора; Как далеко отсюда до того момента, когда мусорные телеги будут возить мусор, а те автомобили Лондона, которые возят мусор человеческого общества—буржуазию, весело помчат 1-го мая сотни тысяч детей в Лондоне в Гайд Парк!"

Письмо из Америки.

Здравствуйте, наши маленькие русские товарищи.

Мы ваше письмо, дорогие товарищи, получили и нашли его чрезвычайно интересным. Мы желали бы иметь для нашей детской группы столько же хорошего, как и вы. Но, видите, нам приходится бороться против одного препятствия. Ваше правительство—правительство рабочее, оно поддерживает вас и помогает вам, в то время как наше правительство руководится богатыми людьми и предназначено только для них, а поэтому нам, рабочим детям, приходится бороться против многих преград. Но наша группа растет. Она насчитывает приблизительно 80 членов, распределенных по двум группам: одной старшей, одной младшей. Мы устраиваем собрания и поочередно образовательные и драматические курсы.

Мы встречаемся по субботам после обеда и устраиваем всякого рода спортивные игры.

Нам приходится почти на всех революционных литературных вечерах и собраниях давать своих ораторов, свой хор, устраивать театральные представления и т. д.

Мы стремимся организовывать каждое рабочее дитя в наши группы, ибо наши народные школы учат детей ненавидеть тех, кто пытается их освободить, и уважать тех, кто их ввергает в нищету. Мы должны детям говорить правду раньше того, как их души отравляются этим ядом.

До тех пор, как Америка станет „Советской Америкой" мы будем воспитывать массы для того, чтобы они были готовы к тому же самому, что имело место у вас в России.

Пишите, дорогие друзья, о вашей жизни.

Детская группа союза рабочей молодежи, „Лос Анжелас". Калифорния.

Адрес руководителя группы:

A. Lyons, 530 1/25. Soto St. Los Angeles, Californion.

Братская помощь.

Французские дети рабочих с подарками для германских детей.

Юные Ленинцы—члены МОПР'а.

На одном из собраний Юных Ленинцев в Полтаве после доклада о Мопре было принято единогласно постановление о вступлении в члены Мопра. Каждый коллектив обязательно должен вступить в члены Мопра.

Юные Ленинцы не только сами вступают в Мопр, но проводят агитацию по школам о вступлении в Мопр. Юные Ленинцы продают также марки в фонд им. К. Либкнехта (мопровский фонд).

Л—у.

НАШИ ИГРЫ.

Махно и Буденный.

(Массовая игра).

Ребята, вы знаете много игр: прятки, жмурки, лапту и другие. Все эти игры захватывают ребят десяток другой не более. А вот недавно в Москве у бауманских пионеров была игра, которая охватила несколько сот пионеров. Игра, в которой требуется сметка, выносливость, быстрые ноги, смелость. Игра называется Махно и Буденный. Она изображает момент гражданской войны на Украине. Я хочу, чтобы в других местах попытали эту игру. У бауманских ребят она прошла удачно. Было где разгуляться на воле, семь верст в окружности было полем игры! Итак, по примеру бауманцев, нужно выбрать поле 7—8 верст в окружности. Лучше всего не населенное, с оврагами, ручьями, зарослями. Местность заранее исследуется и составленный план передается „Буденному", выбранному из среды играющих. Перед игрой в присутствии всех играющих делается доклад, кто такой Махно и Буденный и за что они боролись. Затем об'ясняются правила игры: все играющие делятся на две части—армия Буденного и банды Махно. У каждых свой штаб, команда связи, разделение на отряды, обоз и проч. У тех и у других отличительные знаки, которые должны быть на виду: черные знамена и повязки у одних и красные у других. Скрывать принадлежность к тем или другим не допускается. Становятся лагерями друг против друга. Позади расположения войск Буденного—границы Румынии. Игра заключается в том, что махновцы должны пройти в Румынию, обманув или прорвавшись сквозь войска Буденного. Перед игрой в лагере Буденного речи, митинги, воодушевляюшие войска. Могут быть разведчики с той и с другой стороны, которых можно брать в плен.

Утром, или вообще в назначенный час по сигналу игра начинается. Махновцы, разбившись на отряды, стараются пройти в Румынию. Буденовцы берут их в плен—салят, коснувшись рукой плеча. Махновцы же делать этого не могут. Их задача только пробраться в Румынию. Если махновцы прошли больше половины числа своего состава с атаманом и знаменем—они выиграли. Если сумели захватить знамя Буденного и пронести его—то победа за ними, хотя бы их прошло всего десяток. Победа Буденного тогда, когда взят в плен Махно, его знамя или половина войска махновцев.

В игре могут применяться телефон, велосипеды, лошади и проч. Конечно, это лишь схема игры, всякий может изменять, разнообразить и усложнять ее по-своему.

Борьба за знамя.

Площадка делится на две части с центральной линии. Расстояние между городами 30—40 шагов. Заранее заготовляются флаги по количеству участников (30—40) одинакового размера, с древком в полтора аршина и продолговатым флагом 4—6 вершков (можно употреблять звеновые флажки). Половина флагов приготовляется красного цвета, а остальные белого. Играющие делятся поровну. Одна партия забирает красные флаги, другая белые и водружают их в линию своего лагеря; каждый становится против своего флага; расстояние между флагами аршин три четверти, не более. Затем партия выделяет вожаков и и действует под их руководством. Игра начинается вылазкой 2—3-х игроков, пробирающихся в чужой лагерь, где, схватив один—два флага, спасаются бегством за черту, увертываясь от противника и не давая запятнать себя. Зачинщики не могут перебегать линию флагов до момента, пока до него не дотронется нападающий. Бежать за похитителем может только проворонивший свой флаг, а также вожак. Запятнанный игрок останавливается, делаясь „столбом". Столб может выручить игрок общей партии, ударивший его по рукам, при чем предупреждает остальных криком: „Столб свободен!" Выученный возвращается в ряды своей партии равноправным членом.

Цель игры: путем нападения на линию противника похитить наибольшее количество флагов, стараясь незапятнанным доставить флаг за среднюю черту к себе в лагерь.

ПРАВИЛА: 1) Игрок, проигравший свой флаг, сложенный в трофейном месте, выбывает из игры. 2) Противник неприкосновенен в своем городе.

Издательство „Молодая Гвардия".

Редактор: Редакционная коллегия.
За отв. редактора Х. Добин.

Главлит № 23166. Москва. Тираж 10.000

Типография „9-е Января", Серебряническая набер., д. 23-а.